

The background is a detailed painting of a European city square. In the foreground, a large, ornate stone fountain with multiple tiers is visible. Behind it, a grand building with a dark blue roof and red accents stands prominently. Two tall, black lampposts with white lanterns are positioned on either side of the fountain. In the upper left corner, a branch of a cherry blossom tree with pink flowers and green leaves extends into the frame. The sky is a vibrant blue with soft, white clouds. The overall style is that of a classic oil painting.

ДАНИЭЛА СТИЛ

Калейдоскоп

Миры Даниэлы

Даниэла Стил
Калейдоскоп

«Издательство АСТ»

1987

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Стил Д.

Калейдоскоп / Д. Стил — «Издательство АСТ», 1987 — (Миры Даниэлы)

ISBN 978-5-17-149055-3

Когда Сэм Уокер вернулся с полей сражений Второй мировой войны и привез с собой очаровательную невесту-француженку, никто и подумать не мог, что их сказочная любовь закончится сокрушительной трагедией. Девятилетняя Хилари, старшая из детей Уокеров, отчаянно старалась защитить сестер — пятилетнюю Александру и крошку Меган. Однако не прошло и года, как они были силой вырваны из ее ручонок. Разлученная со всеми, кого любила, Хилари поклялась, что однажды выследит человека, разрушившего ее семью, и снова найдет своих драгоценных младших сестреночек. Но смогут ли они рискнуть всем, чтобы противостоять темному забытому прошлому?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-149055-3

© Стил Д., 1987

© Издательство АСТ, 1987

Содержание

Часть I. Соланж	6
Глава 1	6
Глава 2	23
Глава 3	28
Глава 4	34
Часть II. Хилари	40
Глава 5	40
Глава 6	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Даниэла Стил

Калейдоскоп

Danielle Steel
Kaleidoscope

© Benitreto Productions Ltd, 1987 All rights reserved.

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

Посвящаю эту книгу трем необыкновенным сестричкам: Саманте, Виктории и Ванессе, очаровательным маленьким дамам; их милой старшей сестре Беатрисе; их замечательным старшим братьям Тревору, Тодду и Ники и младшему братику Максу. Пусть каждого из вас судьба одарит благополучием, удачей, добрым сердцем, любящими людьми. Будьте всегда сильны духом, счастливы и неразлучны! Пусть каждый поворот калейдоскопа жизни приносит вам радость! Нам калейдоскоп подарил вас – дражайшие, бесценные создания. А вам он пусть дарит любовь, цветы, улыбки... Держитесь вместе, милые, поддерживайте друг друга, побольше смейтесь, старайтесь не растерять ту любовь, которую мы вам привили. В знак любви к вам и вашему папе, в знак тех чувств, которые мы питаем друг к другу и к вам...

Момент бытия, мерцающий миг, бриллиант в морских волнах, светящийся живой огонь, драгоценный луч, но вот, вдруг, поворот – и меркнет свет, и целый мир во мрак одет, будто в первый раз, а после – песни, рифмы вновь, опять любовь, опять мерцанье это – лучей рассвета и темноты; и, снова тень на свет сменив, так прихотлив и так неведом каждый шаг надежды в нас, так резко свет сменяет тьма, тоски и радости мерцанье, и вновь назавтра ожиданье превратится вдруг в лихой галоп... лишь незримый поворот руки – и вновь событий искр слепящий сноп... ведь наша жизнь – всегда большой калейдоскоп.

Пер. Т. Лепиловой

Часть I. Соланж

Глава 1

24 декабря 1943 года северо-западнее Неаполя шли проливные дожди. Сэм Уокер, съевшись в окопе, зябко кутался в плащ-палатку. До войны он не бывал в Европе. Но участие в военных действиях далеко не лучший способ знакомства с миром – Сэм повидал то, чего никогда не хотел бы видеть.

Он находился по эту сторону океана с ноября 1942 года: сражался в северной Африке, принимал участие в операции «Факел» и считал, что хуже Африки, с ее страшной жарой и ослепляющими песчаными бурями, ничего нет, но теперь понимал, что ошибался. Руки у него так ооченели, что пальцы едва удерживали «бычок» – подарок, полученный на Рождество от друга. О том, чтобы его раскурить, вообще не могло быть и речи.

Ветер с гор пронизывал до костей; это была худшая из зим, так, по крайней мере, считали итальянцы, и Сэм вдруг затосковал по зною пустыни. На Сицилию он прибыл в июле в составе 45-го пехотного полка Пятой армии Кларка, а в октябре участвовал в битве за Неаполь. Потом был бой под Термоли. Последние же два месяца они ползком, по скалам и буеракам, пробирались к Риму, сражаясь с немцами за каждую пядь земли, и каждый пройденный дюйм обильно поливали своей кровью.

– Черт! – выругался Сэм, обнаружив, что промокла последняя спичка, да и «бычок» – единственный рождественский подарок – тоже отсырел.

Сэму было всего двадцать один год; когда японцы атаковали Перл-Харбор, он учился в Гарварде. Гарвард... При мысли об университете он бы рассмеялся, если бы не чувствовал такую смертельную усталость.

Гарвард с его кипящей событиями жизнью, старинным комплексом зданий, заполненный ясными молодыми лицами, излучающими желание когда-нибудь завоевать мир. Если бы он только знал, что его ждет... Теперь трудно поверить, что он когда-то был частью всего этого.

Сэм немало потрудился, чтобы поступить в Гарвард. Для него, обычного городского паренька из Сомервилла, поступление в этот престижный университет было мечтой всей жизни.

Сестра над ним смеялась – единственным ее желанием было выйти замуж за кого-нибудь из одноклассников, причем их пригодность к супружеской жизни она нередко проверяла в постели. Эйлен была на три года старше Сэма и, когда он наконец поступил в Гарвард, уже успела выйти замуж и развестись. Родители их погибли в автокатастрофе, когда Сэму было пятнадцать, и мальчику пришлось жить с сестрой и ее восемнадцатилетним мужем.

Но долго он с ними не выдержал; впрочем, юный супруг тоже вскоре оставил Эйлен. С тех пор Сэм ее практически не видел.

Лишь на третий день после призыва он все-таки поехал попрощаться с сестрой. Эйлен работала в баре. Она сильно изменилась, обесцветила волосы, и Сэм едва узнал ее в полумраке. Вначале она смутилась, но в ее взгляде все равно горел тот самый алчный огонек, который Сэм так ненавидел. У Эйлен на уме были только кавалеры, и младший брат никогда ее особенно не интересовал.

– Ну что ж, удачи тебе...

Эйлен нервничала – ее ждали клиенты – и не знала, что еще сказать брату. Сэм же не решался поцеловать ее на прощание.

– ...Сообщи, где ты находишься.

– Да, конечно... не беспокойся...

Прощаясь с ней, Сэм снова чувствовал себя двенадцатилетним мальчиком. Ему вспомнилось все, что он не любил в сестре. Впрочем, трудно было бы назвать то, что он в ней любил. Они всегда были очень разными, словно прибыли с разных планет.

Эйлен в детстве изводила брата рассказами о том, что он якобы был усыновлен, и он верил ей, пока в один прекрасный день мать ее не выпорола и с обычной для себя пьяной откровенностью не сообщила Сэму, что все это вранье. Эйлен врал всегда и по любому поводу и при каждом удобном случае сваливала на Сэма вину за свои проделки. Отец, как правило, верил именно ей.

Все его родственники казались Сэму чужими: и могучего сложения отец, всю жизнь проработавший на рыбацкой шхуне, и мать, злоупотреблявшая спиртным, и сестра, каждую ночь пропадавшая на гулянках. Порой, лежа в кровати, он мечтал о жизни в настоящей семье, где регулярно готовится горячая пища, стелют чистые простыни, ездят на пикники, где много детей и собак, а родители часто смеются. Сэм же не мог вспомнить, чтобы его родители когда-нибудь улыбались, смеялись или держались за руки; ему казалось, что они этого вообще никогда не делали.

Втайне он ненавидел их за ту нищенскую жизнь, которую они вели и на которую обрекли и его. Он желал гораздо большего. А они, в свою очередь, ненавидели его за честолюбие, ум, первые роли в школьных спектаклях и за нежелание жить той жизнью, что устраивала их. Однажды Сэм признался отцу, что хотел бы когда-нибудь поступить в Гарвард; в ответ тот посмотрел на него как на чужака. Таким он, впрочем, и был для них всех.

Наконец мечта Сэма сбылась: его приняли в Гарвард, да еще и дали стипендию – лучший в его жизни подарок... Наступил тот самый волшебный день, ради которого пришлось так много и так долго трудиться. И вдруг через три месяца все это кончилось.

Дождь хлестал по его окоченевшим рукам. Вдруг где-то рядом раздался незнакомый голос. Сэм обернулся.

– Может, огоньку?

Рядом стоял высокий голубоглазый светловолосый солдат. Ручейки дождя стекали по его впалым щекам. Казалось, что все они плакали в эту жуткую погоду.

– Ага, спасибо... – кивнул Сэм, улыбнулся, и на мгновение его глаза вспыхнули прежним светом. Когда-то, целую вечность назад, он был веселым юношей и мечтал стать душой театральной студии Гарварда.

– Рождество что надо, а?

Блондин в ответ тоже улыбнулся. Он выглядел старше Сэма, но и Сэм казался старше своих лет. После северной Африки и итальянской кампании все они чувствовали себя стариками, а некоторые и внешне напоминали стариков.

– Артур Паттерсон, – чинно представился он.

Сэм рассмеялся. В этот момент порыв ветра заставил их обоих прижаться к стене окопа.

– Очаровательная страна Италия, как тебе кажется? Я всегда мечтал здесь побывать. Прекрасные возможности для отдыха!

Сэм огляделся, словно кругом были пляжи с бесчисленными красотками в купальных костюмах.

Паттерсон ухмыльнулся и спросил:

– Ты здесь давно?

– По-моему, добрую тысячу лет. Прошрое Рождество я отмечал в северной Африке. Место – лучше не придумаешь. Нас туда пригласил Роммель.

С благодарностью воспользовавшись предложением Паттерсона, Сэм раскурил свой «бычок» и даже успел два раза хорошо затянуться, прежде чем обжег себе пальцы. Он бы поделился со своим новым другом, если бы оставшиеся полдюйма окурка не затушил дождь. Сэм виновато посмотрел на своего благодетеля:

– Кстати, меня зовут Сэм Уокер.

– Откуда ты?

Он хотел сказать «из Гарварда»: просто из тоски по старым временам, – но это прозвучало бы глупо.

– Из Бостона.

– А я из Нью-Йорка...

Как будто теперь это имело какое-то значение. Ничто теперь не имело значения – это лишь названия несуществующих городов. Реальными же были Палермо, Сицилия, Салерно, Неаполь и Рим – их конечная цель, до которой надо еще добраться.

Артур Паттерсон поглядел по сторонам, шурясь от ветра и дождя:

– Перед всей этой заварухой я был юристом.

В любой другой момент Сэма бы это впечатлило, но теперь кто кем был на гражданке значило так же мало, как и то, кто где раньше жил.

– А я хотел стать актером.

Он почти ни с кем не делился своей мечтой, уж во всяком случае не с родителями и не с сестрой. Даже те немногие друзья, кого он посвятил в свои планы, смеялись над ним. Учителя же считали, что при его способностях Сэму следует заниматься чем-то более стоящим. Никто не понимал, что значила для него актерская игра, что он чувствовал, когда ступал на сцену. Магическое движение души помогало ему перевоплощаться, забыть о ненавистных родителях, нелюбимой сестре и всех своих страхах и сомнениях.

Но, похоже, никто не мог его понять, даже в Гарварде. Выпускники университета не становились актерами – они были врачами, юристами, бизнесменами, президентами корпораций и фондов, послами...

Сэм мысленно рассмеялся. Он теперь тоже был кем-то вроде посла, только с ружьем в руке и постоянно примкнутым штыком, чтобы можно было вспарывать животы врагам. Именно это он не раз и делал на протяжении последнего года.

«Интересно, сколько человек убил Паттерсон?» – подумал он. Но такие вопросы было не принято задавать, надо просто жить со своими мыслями и воспоминаниями об искаженных лицах и вытаращенных глазах в тот момент, когда вытаскиваешь штык и вытираешь его о землю...

Он взглянул на Паттерсона и подумал: удастся ли им дожить до следующего Рождества?

– Почему тебе захотелось стать актером?

– Что?

Сэма удивил интерес во взгляде парня. Они присели на камень, выступавший из грязи. На дне их окопа вода стояла по щиколотку.

– А... ты об этом... Господи, да я не знаю... Мне просто было это интересно.

Но на самом деле все было сложнее, гораздо сложнее. Только на сцене он чувствовал себя человеком, был силен и уверен в себе. Но он не мог этого объяснить Паттерсону. Смешно делиться мечтами, сидя в рождественский сочельник в окопе.

– Я в Принстоне пел в хоре...

Разговор получался абсурдный. Сэм ухмыльнулся:

– Тебе не кажется, что мы психи? Говорим о хоре и театре, о Принстоне, сидя в этом чертовом окопе! Мы же можем не дожить до следующей недели, а я рассказываю тебе, что мечтал стать актером...

Ему вдруг захотелось расплакаться. Все это было жутко, но реально, так реально, что можно было попробовать на вкус, потрогать и понюхать. В течение года Сэм чувствовал лишь запах смерти, от которого его уже мутило. Всех их мутило, а генералы тем временем планировали штурм Рима.

Но кого волновал Рим, Неаполь или Палермо? За что они сражались? За свободу Бостона или Сан-Франциско? Там и так была свобода, люди ездили на работу, ходили в кино и на танцы и абсолютно не представляли себе того, что происходило здесь.

Сэм покачал головой и грустно посмотрел на высокого светловолосого ньюйоркца. Ему ужасно захотелось домой... все равно к кому... пусть даже к сестре, которая не написала ни строчки с тех пор, как он отбыл из Бостона. Сэм два раза посылал ей письма, а потом решил, что не стоит понапрасну тратить время.

Мысли о сестре всегда злили его: будучи ребенком, а потом подростком, он чувствовал себя с ней неловко, как, впрочем, и с матерью, и с флегматичным, неразговорчивым отцом. Он всегда был к ним равнодушен. Теперь же, заговорив с незнакомым парнем, который пел в хоре Принстонского университета, он сразу почувствовал к нему симпатию.

– Где ты учился?

Казалось, что Паттерсон отчаянно цепляется за прошлое, за воспоминания, словно надеясь таким образом вернуться туда. Однако Сэм слишком хорошо понимал, что от действительности, с ее холодным дождем и грязью окопа, никуда не деться. Он криво усмехнулся, мечтая о сигарете – настоящей, а не каком-то полудюймовом «бычке», и ответил:

– В Гарварде.

Там были настоящие сигареты, когда захочешь – «Лаки страйк»! Воспоминание об этом ничуть не улучшило его настроения.

Паттерсон удивился:

– И ты собирался стать актером?

Сэм пожал плечами:

– Вообще-то я учился на филологическом, по специальности «английская литература». И стал бы, наверное, школьным учителем и от силы руководителем драмкружка для сопляков.

– Ну, это не так плохо. Я посещал школу Святого Павла, у нас там была отличная театральная студия.

Сэм в изумлении уставился на него... Принстон, школа Святого Павла... Что тут делает этот парень? Что все они тут делают?... Почему здесь бессмысленно гибнут хорошие американские ребята?

– Ты женат? – вдруг полюбопытствовал Сэм. Он и его собеседник явно были разными людьми, но в то же время у них было кое-что общее.

Артур покачал головой:

– Я был слишком занят карьерой – работал в юридической фирме в Нью-Йорке. Поступил туда, а через восемь месяцев меня призвали.

Ему было двадцать семь лет, и глаза у него были серьезные и печальные, у Сэма же – еще светилось в них мальчишеское озорство. Черноволосый невысокий широкоплечий Сэм, казалось, обладал энергией, которой не хватало Артуру. Тот вообще был более сдержан, осторожен, спокоен, что, возможно, объяснялось и его возрастом.

– У меня сестра живет в Бостоне, если ее еще не укокошил в баре какой-нибудь парень...

Им казалось важным поделиться чем-то личным, словно другой возможности могло не представиться, хотелось подружиться, оставить о себе память на случай, если придется погибнуть.

– ...Мы с ней никогда не ладили. Я перед отправкой зашел к ней попрощаться, а она так мне ни разу и не написала. А у тебя как? Сестры, братья есть?

Артур впервые за все время улыбнулся:

– Я единственный ребенок, и мои родители были единственными детьми в своих семьях. Отец умер, когда я учился в университете, мама так больше и не вышла замуж. Судя по письмам, ей сейчас очень тяжело.

– Я думаю...

Сэм кивнул, пытаясь представить себе, как выглядит мать Артура: высокая худощавая седая женщина родом, возможно, из Новой Англии.

– А мои родители погибли в автокатастрофе, когда мне было пятнадцать...

Он не сказал Артуру, что не особенно горевал об их потере, что не любил их, а они никогда его не понимали. Это было бы слишком сентиментально, да и не имело теперь значения.

– Ты что-нибудь слышал о том, куда мы отсюда двинемся?..

Пора опять думать о войне, не имело смысла долго задерживаться в прошлом. Действительность была здесь, северо-восточнее Неаполя.

– Я вчера что-то слышал о Кассино, это где-то в горах. Весело будет туда добираться: вместо дождя получим снег.

Сэм задумался: какие еще пытки припасли им генералы – нынешние хозяева их жизней?

– Сержант что-то говорил об Анцио, это местечко на побережье.

– Великолепно. – Сэм озлобленно ухмыльнулся. – Может, хоть поплавать удастся.

Артур Паттерсон улыбнулся. Ему нравился этот разговорчивый парень из Бостона. Чувствовалось, что за горечью его слов скрываются доброе сердце и острый ум. С ним по крайней мере можно было поговорить.

Война стала для Артура во многих отношениях трудным испытанием, если не жестоким ударом. Ребенком его баловали, в подростковом и юношеском возрасте чрезмерно опекали. Души в нем не чаявшая мать особенно усердно сдувала с него пылинки после смерти отца. Артур всегда жил в комфорте, никогда не испытывал неудобств, опасности, страха, свалившихся на него после прибытия в Европу. Стойкость Сэма его восхищала.

Сэм вытащил праздничный паек, который приберег для рождественской трапезы. Конфеты он уже раздал голодным местным детям. Теперь же открыл консервы и с кислой миной произнес:

– Хочешь рождественской индейки? Соус немного жирноват, но каштаны великолепны.

Он широким жестом предложил новому приятелю жестянку, и Артур рассмеялся. Ему пришелся по душе Сэм, нравилось в нем буквально все. Он инстинктивно чувствовал, что его новый друг обладает смелостью, которой ему самому не хватало. Артуру просто хотелось выжить, вернуться домой, в теплую постель, на чистые простыни, снова флиртовать с длинноногими блондинками – выпускницами лучших колледжей Восточного побережья.

– Спасибо, я уже поел.

– Мм... – выразительно причмокивал Сэм, словно уплетал по меньшей мере фазана. – Изысканная кухня, не так ли? Никогда не думал, что в Италии так хорошо готовят!

– В чем дело, Уокер?..

Мимо них по окопу пробирался сержант. Он остановился и уставился на парней. С Сэмом у него не было проблем, правда, иногда приходилось его сдерживать – из-за горячности он нередко понапрасну рисковал жизнью. С Паттерсоном была другая история: храбрости мало, зато образования чертовски много.

– Ты что, заболел?

– Нет, сержант. Я просто говорил, что здесь классная жратва. Хотите печенье прямо из духовки?

Сэм протянул полупустую банку.

– Кончай паясничать, Уокер, – буркнул сержант. – Тут тебе не вечеринка.

– Вот черт... Значит, я неправильно истолковал приглашение.

Ничуть не смутившись сердитого вида сержанта, Сэм рассмеялся и снова принялся за еду. Тот, отойдя на несколько шагов по хлюпающей грязи, обернулся:

– Завтра, джентльмены, мы отчаливаем из этого милого местечка, если позволит напряженный график ваших светских развлечений.

– Мы сделаем все возможное, сержант, приложим максимум усилий...

Невольно улыбнувшись, сержант проследовал дальше. Его восхищало умение Сэма не терять присутствия духа в самой безнадежной ситуации и заряжать своим оптимизмом других. Именно это было им теперь так необходимо. Он знал, что предстоят еще более трудные времена. Может, даже Уокеру будет не до смеха.

– Этот парень не дает мне спуску с тех пор, как я сюда попал, – пожаловался Артур.

– Это неотъемлемая частичка его обаяния, – пробормотал Сэм, шаря по карманам в поисках какого-нибудь случайно завалявшегося «бычка».

И вдруг, словно по мановению волшебной палочки, Артур протянул ему почти целую сигарету.

– Бог ты мой! Старина, где ты это добыл?.. – Сэм давно не видел такого богатства. Артур прикурил и отдал сигарету ему. – Я перебиваюсь «бычками» с прошлой недели, когда нашел целую сигарету в кармане убитого немца.

Артур содрогнулся при этих словах, но в то же время понимал, что Сэм способен на подобное из-за бессердечия молодости и тех тяжелых условий, в которых он находился. Вообще этот паренек казался Артуру очень смелым и хладнокровным, если он мог спокойно рассказывать в окопе непристойные анекдоты или болтать о Гарварде.

Ночью они спали рядом, бок о бок. Утром дождь утих. В мелкой стычке их подразделению удалось захватить овчарню, где они провели следующую ночь, а двумя днями позже поступил приказ следовать в направлении реки Вольтурно. Это был трудный переход, стоивший им больше дюжины человек.

К тому времени Сэм и Артур стали неразлучными друзьями: Сэм буквально тащил Артура на себе, когда тот клялся, что не может больше идти; Сэм спас товарища, когда они попали под обстрел снайпера.

Наступление на Неттуно и Анцио провалилось, главная тяжесть прорыва немецкой обороны под Кассино легла на дивизию Сэма и Артура. В этом бою Артур был ранен. Услышав свист пролетевшей рядом пули и обернувшись, Сэм сначала подумал, что Артур убит: он лежал навзничь, с окровавленной грудью и остекленевшими глазами. Разорвав гимнастерку, Сэм понял, что пуля попала в руку. Он вынес друга с передовой, а передав медикам, оставался с ним, пока не убедился, что все в порядке. Потом вернулся и сражался до момента, пока не поступил приказ отступить.

Следующие четыре месяца были настоящим кошмаром. В общей сложности под Анцио погибло пятьдесят девять тысяч человек. В условиях непрерывных дождей американские войска продвигались на север, к Риму. Сэму и Артуру казалось, что они на собственной шкуре прочувствовали каждый дюйм раскисшей от грязи земли Италии.

Артур после ранения быстро вернулся в строй, и Сэм радовался, что друг снова рядом. За время, прошедшее с момента знакомства, их связали тесные узы, о которых ни тот ни другой не говорили, но которые оба явственно ощущали. Они не сомневались, что эта дружба выдержит испытание временем, что совместно пережитые события останутся в памяти навсегда. То, что они вместе пережили, значило гораздо больше, чем все, что было в их прошлой жизни и, как им теперь казалось, ожидало в дальнейшем.

– Ну, Паттерсон, поднимай свою задницу...

Они отдыхали в одной из долин южнее Рима в ходе форсированного наступления на войска Муссолини.

– Сержант говорит, что через полчаса мы тронемся дальше...

Паттерсон только застонал, но не пошевелился.

– Тебе, лентяю, даже под Кассино драться не пришлось.

Пока Артур поправлялся, шли тяжелейшие бои за Кассино, в результате которых город превратился в руины. Массированным артобстрелом был полностью разрушен огромный мона-

стырь, стоявший на горе. С тех пор крупных боев не было – лишь стычки с итальянцами и немцами.

Однако с 14 мая вновь предпринимались большие усилия, на этот раз совместно с Восьмой армией, по форсированию рек Гарильяно и Рапидо, и все солдаты были измотаны. Артур выглядел так, словно готов был проспять всю неделю, если бы Сэм ему разрешил.

– Ну вставай, вставай!.. – Сэм продолжал тормошить друга. – Или ты ждешь приглашения от немцев?

Артур покосился на друга одним глазом, надеясь, что удастся еще хоть чуть-чуть подремать. Рана время от времени беспокоила его, и он уставал быстрее Сэма, что, впрочем, было понятно – Артуру, выросшему в тепличных условиях, не хватало закалки. Сэм же был просто неутомим, но Артур был склонен объяснять это его молодостью и лучшей физической формой.

– Кончай, Уокер... У тебя в голосе появляются сержантские нотки.

– Какие у вас проблемы, джентльмены?

Сержант всегда вырастал как из-под земли и, казалось, шестым чувством улавливал, когда речь шла о нем, тем более с использованием не самых лестных выражений. Как обычно, он бесшумно возник за спиной Сэма, и Артур с виноватым видом тут же вскочил на ноги.

– Опять отдыхаешь, Паттерсон?

Этому человеку ничем нельзя было угодить. Их марш длился много недель, но, как и Сэм, сержант, казалось, никогда не уставал.

– Война почти закончилась, так что смотри не пропусти момент нашей победы.

Сэм ухмыльнулся; сварливый сержант неодобрительно уставился на него, но промолчал. Между ними существовал некий союз и царило взаимное уважение, чего совершенно не мог понять Артур. Он считал сержанта законченным прохвостом.

– А ты, Уокер, тоже собираешься почивать, как Спящая красавица, или можно надеяться, что вы с приятелем соизволите к нам присоединиться?

– Мы постараемся, сержант... мы постараемся.

Сэм подобострастно улыбнулся. Сержант наконец оставил их в покое и заорал остальным:

– Ста-а-ановись!..

Через десять минут они снова шагали на север. Артуру казалось, что этому маршу не будет конца, но 4 июня, до крайности измученный, он вдруг осознал, что находится на площади Венеции в Риме, а визжащие от восторга итальянки забрасывают его цветами и целуют. Кругом царил страшный шум: смех, пение, ликующие возгласы, а Сэм, с недельной щетиной на лице, радостно кричал ему и всем, кто был рядом:

– Победа! Победа! Победа!

У Сэма в глазах стояли слезы, как и у женщин, которые его целовали: толстых, худых, старых, молодых, одетых во все черное, а порой в какие-то обноски, в кожаных и тряпичных туфлях, – женщин, которые в другое время могли быть красивыми, но теперь не были таковыми из-за лишений, причиненных войной. Однако Сэму все они казались очаровательными.

Какая-то римлянка воткнула в ствол его карабина большой желтый цветок, и Сэм так долго и крепко ее обнимал, что Артур смущенно отвел глаза.

В тот вечер они ужинали в небольшом ресторанчике, куда странным образом набилось множество солдат и итальянок.

Этот праздник, необыкновенное чувство ликования и восторга, обилие пищи и песен стали достойной наградой за все пережитые мучения. Лишения, раны, страдания, холод как-то потускнели в памяти.

Римские пирушки продолжались три недели, после чего сержант велел Артуру и Сэму снова собираться в путь. Часть солдат оставались в Риме, но они в эту группу не попали. Им предстояло в районе города Кутанс во Франции пополнить Первую армию генерала Брэдли.

Назначение не казалось таким уж плохим. Стояло начало лета; как в Италии, так и во Франции природа была красивой, воздух теплым, а женщины приветливыми.

Настроение портили только немногочисленные немецкие снайперы, терпеливо поджидавшие своих жертв в укромных местах. Однажды сержант спас жизнь Сэму, вовремя заметив такого стрелка, а спустя два дня уже благодаря Сэму весь взвод избежал вражеской засады. Но в целом продвижение было не слишком утомительным.

К середине августа отступление немецких войск приняло характер настоящего бегства. Американской армии предстояло, соединившись с французской дивизией генерала Леклерка, двинуться на Париж. Узнав об этом, Сэм не мог сдержать своего восторга:

– Париж! Артур, сукин ты сын! Я всегда хотел там побывать!

Глядя на сияющего Сэма, можно было подумать, что его пригласили пожить в отеле «Ритц» и посетить «Оперу» и «Фоли-Бержер».

– Не строй слишком радужных надежд, Уокер. Может, ты этого не замечаешь, но пока еще идет война. Мы можем не дожить до Парижа.

– Вот это я в тебе люблю, Артур. Ты всегда такой оптимист и весельчак...

Но сбить воодушевление Сэма было невозможно. Он не мог думать ни о чем другом, как только о Париже, о котором столько читал и так давно мечтал. В его представлении там было сосредоточено все самое лучшее в мире. Сэм ни о чем, кроме Парижа, не говорил, когда они шли через города и деревни, радостно встречавшие свободу после четырех лет жестокой оккупации. Мечта всей жизни полностью овладела им, даже прежние тяготы войны были забыты.

На протяжении следующих двух дней они почти без остановок продвигались к Шартру. Немцы методично отступали в направлении Парижа, словно вели их к цели. Артур не сомневался, что город будет превращен в руины.

– Знаешь, Уокер, ты, по-моему, спятил. Совершенно спятил. Можно подумать, что ты отправился на экскурсию.

Артур с изумлением взирал, как его друг убивает немцев и при этом не переставая твердит про Париж. От радостного волнения Сэм забывал даже о своей привычке вечно шарить по карманам в поисках сигарет.

Ранним утром 25 августа мечта Сэма наконец-то сбылась. Париж встречал их странной тишиной, пустынными улицами и любопытными взглядами горожан, прильнувших к окнам.

Это было совсем не похоже на победное вступление в Рим. Здесь люди были испуганы, осторожны, не торопились покидать свои жилища и убежища. Лишь постепенно парижане стали появляться на улицах, и, конечно же, не обошлось без радостных приветствий, объятий и слез.

В полтретьего дня генерал фон Хольтитц капитулировал; таким образом, Париж был официально освобожден союзниками. 29 августа на Елисейских Полях состоялся парад победителей, и Сэм, шагая в шеренге своих товарищей, не скрывал слез. От сознания, что они столько прошли, столько испытали, что освободили Париж – город его мечты, у Сэма захватывало дух.

Парижане восторженно приветствовали победителей, выстроившись вдоль тротуаров, а войска торжественным маршем проходили от Триумфальной арки к собору Парижской Богоматери, чтобы принять участие в благодарственной литургии. Сэм тоже был исполнен благодарности за то, что остался жив, удостоился счастья прийти в этот необыкновенный город и принести свободу его жителям.

После торжественной мессы, которая тронула Артура и Сэма до глубины души, они вышли из собора и медленно пошли по рю д'Арколь. До вечера у них была увольнительная, но Сэм даже не задумывался, чем бы себя занять: ему просто хотелось упиваться воздухом Парижа, его архитектурой и улыбаться прохожим.

Они зашли в маленькое бистро, чтобы выпить кофе. Жена владельца подала друзьям по чашечке горячего цикориевого напитка, который все здесь пили, тарелочку дешевого печенья и вдобавок каждого расцеловала в обе щеки. Когда настало время уходить, она не хотела брать с них денег, несмотря ни на какие уговоры. Артур немного говорил по-французски, Сэм же только жестами выразил благодарность и поцеловал радушную парижанку. Американцы хорошо знали, как напряженно в городе с продуктами и каким ценным подарком является скромная тарелочка печенья.

Сэма взволновало посещение бистро. «Может, война – это, в конце концов, не так уж плохо? – подумал он. – Может, стоило в ней участвовать?» Ему было двадцать два года, и он чувствовал себя так, словно покорил весь мир или по крайней мере его важнейшую часть.

Артур улыбался, глядя на воодушевленного друга. Ему самому почему-то больше нравился Рим – возможно, из-за того, что до войны он уже успел там побывать. Рим стал для Артура чем-то особенным, с ним были связаны дорогие сердцу воспоминания, а для Сэма являлся воплощением юношеской мечты Париж.

– Мне даже не хочется возвращаться в Штаты; представляешь, Паттерсон? Глупо звучит, а?

Говоря это, Сэм обратил внимание на молодую женщину, которая шла впереди, и уже не слушал ответ Артура. Ее огненно-рыжие волосы были собраны на затылке в узел, темно-синее креповое платье от старости местами лоснилось, но подчеркивало все достоинства ее фигуры.

Своей гордой осанкой она словно говорила: «Мне некого и не за что благодарить, я пережила немецкую оккупацию и никому ничем не обязана, даже американцам и другим союзникам, освободившим Париж».

Сэм не мог оторвать глаз от ее стройных ног и покачивающихся бедер. Разговор с Артуром прервался.

– ...тебе не кажется? – спросил Артур.

– А? Что?

Сэм не мог сосредоточиться на словах друга. Все его внимание обратилось на рыжие волосы, грациозную фигуру и гордую походку. Незнакомка остановилась на углу, потом пересекла мост через Сену и повернула на набережную Монтебелло. Сэм следовал за ней, словно привязанный невидимой нитью.

– Куда ты идешь?

– Еще не знаю.

Он был напряжен, словно охотник, идущий по следу, и боялся хотя бы на мгновение выпустить рыжеволосую француженку из поля зрения.

– Что ты делаешь?

– А?..

Сэм посмотрел на товарища отсутствующим взглядом и ускорил шаг. И тут Артур тоже заметил ее. Он посмотрел на нее как раз в тот момент, когда девушка обернулась к ним, словно вдруг почувствовала их за своей спиной.

Лицо ее напоминало камею – матово-белая кожа, тонкие черты, огромные зеленые глаза пронзали насквозь и, казалось, предупреждали, что приближаться к ней опасно.

Сэм был парализован своим незнанием французского языка и ее холодностью, но, когда рыжеволосая парижанка пошла дальше, ринулся за ней с еще большей решимостью.

– Ты когда-нибудь видел подобные лица? – спросил он у Артура, не глядя на него. – Я никогда не встречал женщины красивее.

Она излучала нечто сразу привлекавшее внимание, а также силу, чувствовавшуюся даже на расстоянии. Эта девушка не принадлежала к числу тех, кто забрасывал цветами маршевые колонны союзников и был готов повиснуть на шее у первого встречного солдата.

– Да, симпатичная девушка, – согласился Артур, сознавая неадекватность своего определения. Он испытывал некоторую неловкость от того, что Сэм так настойчиво следует за ней по пятам. – Но мне все же кажется, что она не в восторге от того, что мы за ней увязались.

– Заговори с ней, – попросил Сэм. Казалось, что он околдован рыжеволосой француженкой.

– Ты спятил? Она же минуту назад смерила нас ледяным взглядом.

Незнакомка исчезла в магазине, а они остались стоять на тротуаре, беспомощно топчась на месте.

– Ну и что дальше?

Артуру, похоже, неловко было преследовать эту женщину по улицам Парижа. Пусть они победители, но все равно это ему не нравилось.

– Подождем. Давай пригласим ее на чашечку кофе.

Сэм вдруг пожалел, что они съели те печеньица, которыми их угостили, а не забрали с собой. «Она такая худая: наверное, давно не видела сладостей, – подумал Сэм. – Я-то что: просто полз себе на брюхе по северной Африке и Италии, а потом на четвереньках пробирался по Франции. А вот она пережила немецкую оккупацию. И, наверное, женщине это несравненно тяжелее».

Ему вдруг захотелось оградить ее от всего случившегося с ней в прошлом и защитить от еще возможных неприятных происшествий, поскольку Париж был наводнен опьяненными победой солдатами союзнических армий.

Она вышла из магазина с кошелкой, из которой торчал длинный батон хлеба, и с нескрываемым раздражением взглянула на поджидавших ее американцев. Сверкая глазами, она что-то сказала Сэму, но тот ничего не понял и попросил Артура перевести:

– Что она сказала?

Ее слова не отличались любезностью, но Сэма это не смутило – главное, что она заговорила с ними. Артур, глядя на Сэма, не узнавал своего приятеля, весьма скромного до сих пор. В Италии Сэм вел себя прилично: дальше объятий, невинных поцелуев, нескольких щипков дело не шло, – но сейчас, судя по всему, совершенно потерял голову.

– Она говорит, что если мы сейчас же не отстанем, то она пожалуется нашему командиру и потребует, чтобы нас арестовали. И, по-моему, Уокер, мадемуазель не шутит.

– Скажи ей, что ты генерал, – ухмыльнулся Сэм. К нему, похоже, возвращалась обычная самоуверенность и чувство юмора. – Бог ты мой... ну скажи ей, что я в нее влюблен.

– Может, пользуясь случаем, предложить ей также плитку шоколада и шелковые чулки? Сэм, прошу тебя, опомнись и оставь девушку в покое.

Поразившая Сэма особа тут же зашла в другой магазин, но он, очевидно, не намеревался последовать совету друга.

– Пошли...

Артур безуспешно пытался уговорить приятеля уйти, и пока они спорили, девушка вышла из магазина и направилась прямо к своим преследователям.

Она остановилась совсем рядом, и Сэм подумал, что сейчас ему станет плохо от ее близости. У нее была такая матово-белая кожа, что она напоминала драгоценный фарфор, и Сэму захотелось коснуться ее руки.

Между тем незнакомка попыталась выразить свой гнев, употребляя известный ей скромный набор английских слов.

– Идите отсюда! Идите назад! Уходите! – кричала она.

Смысл ее слов можно было понять без труда. Казалось, она вот-вот набросится на них, надает им пощечин. Почему-то особую агрессивность она испытывала по отношению к Сэму.

– *C'est compris?*¹

– Нет...

Сэм бесстрашно пустился в разговор с француженкой, немыслимо коверкая слова.

– Я не говорю по-французски... Я американец... Меня зовут Сэм Уокер, а это Артур Паттерсон. Мы просто хотели познакомиться и...

Он подарил ей одну из своих самых обаятельных улыбок, но в ее взгляде сквозили гнев и боль, которых Сэм не мог понять. Ему было жаль ее, но он не мог выразить ей свое сочувствие.

– Non!²

Она замахала на них руками.

– *Merde! Voilà! C'est compris?*³

Сэм, озадаченный, повернулся к Артуру:

– Что такое «merde»?

– Это значит «дерьмо».

– Очень хорошо...

Сэм улыбнулся, как будто она сказала ему что-то приятное.

– А нельзя ли пригласить вас на чашечку кофе... *café*?

Не переставая улыбаться ей, Сэм взмолился, обращаясь к Артуру:

– Ради бога, Паттерсон, как пригласить ее на чашку кофе? Пожалуйста, скажи же ей что-нибудь!

– *Je m'excuse...*⁴ – смущенно произнес Артур, глядя в глаза очаровательной француженке и пытаясь вспомнить школьный курс французского, который куда-то вмиг испарился из головы.

Сэм был прав. Красивее девушки Артур в своей жизни не видел.

– *Je regrette... mon ami est très excité... voulez-vous un café?*⁵ – выдавил он в конце концов. Ему вдруг тоже захотелось, чтобы она не уходила. Но в ответ немедленно раздался поток ругательств:

– *Quel sacre culot... bande de salopards... allez-vous faire...*⁶

Затем, со слезами на глазах, она тряхнула головой и торопливой походкой, миновав их, пошла в обратную сторону с тем же гордым видом, как прежде. От быстрой ходьбы сильно поношенные, растоптанные туфли хлопали ее по пяткам – видно было, что они ей велики, как, впрочем, и темно-синее платье.

– Что она сказала, Артур?

Сэм поспешил за ней, проталкиваясь сквозь неизвестно откуда взявшуюся толпу солдат.

– По-моему, она послала нас ко всем чертям... я не совсем понял остальное. Кажется, это было арго.

– А что это? Диалект? – поинтересовался Сэм, хотя филологические тонкости французского языка сейчас мало волновали его: он больше всего боялся потерять ее в толпе прохожих.

– Это парижский жаргон.

Девушка метнулась в короткую улочку, рю де Гран-Дегрэ, свернула к одному из подъездов и исчезла внутри, с силой хлопнув дверью.

Сэм остановился и расплылся в довольной улыбке.

– С чего ты так обрадовался? – удивился Артур.

---

¹ Это понятно? (*фр.*)

² Нет! (*фр.*)

³ Дерьмо! Так понятно? (*фр.*)

⁴ Прошу прощения... (*фр.*)

⁵ Мне жаль, мой друг очень взволнован... не хотите ли кофе? (*фр.*)

⁶ Что за наглость... ублюдки... ты собираешься... (*фр.*)

- Теперь мы знаем, где она живет. Остальное будет проще.
- Почему ты решил, что это ее дом? Может, она к кому-то зашла?

Артура поразила сила страсти, охватившей его друга. Сам он никогда ничего подобного не испытывал, но, конечно, и такие женщины ему не встречались. Она в самом деле была обворожительна.

- Рано или поздно она выйдет. Должна выйти.
- И ты собираешься стоять здесь весь день и ждать? Уокер, ты, несомненно, спятил!

Артур не знал, что ему делать. Он не намеревался, будучи в Париже, торчать у подъезда какой-то девицы, которая даже и говорить-то с ними не захотела, в то время как в этом городе были тысячи других девушек, которые бы с радостью пылко их отблагодарили за освобождение.

- Я здесь торчать не собираюсь, если хочешь знать...

Сэм некоторое время пребывал в замешательстве.

- Ну ладно, – сказал он, – иди. Встретимся позже. В том же кафе, куда мы заходили.
- А ты будешь ждать здесь?
- Совершенно верно.

Сэм закурил и с терпеливым видом прислонился к стене дома, в котором, как он полагал, живет девушка. Он подумывал, не войти ли внутрь, но решил пока воздержаться. Вдруг она снова выйдет? Ему некуда торопиться, он может и подождать.

Артур, раздраженный его упрямством, пытался убедить друга более разумно распорядиться свободным временем, но все было напрасно. Сэм не собирался никуда уходить. В итоге Артур сдался и решил ждать с ним; с одной стороны, он не хотел оставлять Сэма одного, а с другой – сам проявлял интерес к девушке.

Их терпение было вознаграждено. Меньше чем через час девушка появилась из подъезда с какими-то книгами в руках. Волосы у нее теперь были распущены, и она выглядела, пожалуй, еще привлекательнее. Она их тут же увидела и сделала шаг назад, но быстро передумала и с гордо поднятой головой зашагала по тротуару.

Когда она проходила мимо, Сэм, чтоб привлечь ее внимание, легонько коснулся ее руки. Сначала казалось, что девушка шарахнется в сторону, но она остановилась и, гневно сверкая своими зелеными глазами, посмотрела на него. Взгляд был красноречив. Она, по-видимому, сознавала, что не имеет смысла ему что-то говорить, поскольку он все равно не поймет и более того: просто не захочет понять.

- Мадемуазель, вы не желали бы с нами перекусить?

Сопровождая свои слова всем понятным жестом, Сэм продолжал проникновенно смотреть ей в глаза, словно желая убедить, что не собирается ее обидеть или воспользоваться ситуацией. Сэму просто хотелось глядеть на нее... видеть ее... а может, дотронуться, если повезет.

- Oui?⁷ – спросил он с надеждой.

Красавица парижанка покачала головой:

- Non. О'кей?

Ее французский акцент прозвучал так мягко, что Сэм улыбнулся. Артур наблюдал за ними, не в силах выдать ни слова по-французски. Присутствие этой девушки словно лишило его дара речи.

- Нет...

Она повторила жест Сэма и покачала головой.

- Почему?..

Сэм мучительно пытался вспомнить, как это будет по-французски.

---

⁷ Да? (фр.)

– ...Pourquoi?⁸

Он вдруг в страхе посмотрел на ее пальцы. Может, она замужем? Может, ее супруг очень ревнив? Но кольца на безымянном пальце не было. Она выглядела очень молодо, хотя, конечно, в это военное время могла быть вдовой.

– Parce que...⁹

Она говорила медленно, чтобы американец понял, хотя не слишком на это надеялась.

– ...Je ne veux pas¹⁰.

– Она говорит, что не хочет, – шепнул Артур.

– Почему?... – Сэм, похоже, обиделся: – Мы же хорошие ребята. Только ленч... еда...

Он снова жестами изобразил прием пищи.

– ...кафе... о'кей?... Пять минут?... – Сэм поднял вверх растопыренную пятерню. – ...О'кей?

Он поднял руки вверх, демонстрируя беззащитность и миролюбие, но девушка снова отрицательно покачала головой. Было ясно, что ей все это надоело: и приставания солдат, и чужеземцы, хозяйничающие на ее родине.

– Нет немцы... Нет американцы... Нет... Нет кафе... Нет...

Сэм молитвенно сложил руки, и казалось, он вот-вот расплачется. То, что она не ушла, а осталась стоять и слушать его, – это уже было кое-что. Он показал на себя, а потом на Артура:

– Северная Африка... Италия... Теперь Франция... – И языком жестов попытался изобразить стрельбу и ранение Артура в руку. Затем снова взмолился: – Одна чашка кофе... пять минут... пожалуйста...

Она опять покачала головой, но на этот раз почти с сожалением:

– Non... je regrette...¹¹

И, отвернувшись, быстро пошла прочь. Друзья смотрели ей вслед. Даже Сэм не стал на этот раз ее преследовать, понимая, что это не имело смысла. Но когда Артур собрался уходить, Сэм не двинулся с места.

– Пошли, старик, она ушла и не желает нас видеть.

– Меня это не волнует... – ответил Сэм, словно разочарованный школьник. – Может, она передумает, когда вернется.

– И разница будет только в том, что на этот раз она приведет с собой папашу и семерых братьев, которые повыбивают нам зубы. Она сказала нам «нет», причем совершенно серьезно, так что давай не будем не терять зря время. В Париже полно женщин, горящих желанием продемонстрировать свою благодарность героическим освободителям.

– Ну и черт с ними... – Сэм был невозмутим. – Они мне даром не нужны... А она особенная.

– Ты прав, черт подери: эта девушка действительно особенная.

Артур наконец в самом деле разозлился.

– Она сказала, чтобы мы шли куда подальше. И лично я намерен последовать ее совету, как бы ни были красивы ее ноги. Ты идешь или нет?

Сэм на мгновение замешкался, не зная, на что решиться, а потом с явным сожалением поплелся за другом. Однако куда бы они ни пошли в этот день, все его мысли были только о рыжеволосой зеленоглазой девушке с рю д'Арколь. В ней было что-то незабываемое, и после ужина он, оставив Артура за столом с тремя подругами, тихо выскользнул из ресторанчика, намереваясь прогуляться по улице, на которой она жила, просто чтобы быть к ней поближе.

---

⁸ Почему? (фр.)

⁹ Потому что... (фр.)

¹⁰ ...Я не хочу (фр.).

¹¹ Нет... сожалею... (фр.)

Сэм понимал, что поступает глупо, но ничего не мог с собой поделать. Он хотел увидеть ее еще раз, пусть даже издаleка. Дело было не только в ее внешности, но еще в чем-то, чего Сэм не мог конкретно выразить или понять, как не мог противостоять желанию познакомиться с ней или хотя бы повидаться...

Он зашел в небольшое кафе напротив ее дома, заказал чашку кофе, который все здесь пили без молока и сахара, и сел за столик, не спуская глаз с ее подъезда.

К своему изумлению, Сэм вскоре действительно увидел ее шедшей по тротуару все с той же сеткой, заполненной книгами. Она медленно поднялась по ступенькам крыльца, искала в кошельке ключ, обернулась через плечо, словно желая убедиться, что никто ее не преследует.

Сэм вскочил, высыпал на столик горсть монет и бросился к ней через улицу. Девушка ошеломленно смотрела на него, и казалось, что она сейчас убежит, но она взяла себя в руки. В оккупированном Париже ей приходилось иметь дело с гораздо худшими типами. На этот раз в ее взгляде было меньше гнева, а больше обычной усталости.

– Бонжур, мадемуазель, – произнес Сэм робко.

Незнакомка покачала головой с видом матери, укоряющей сына-школьника.

– Pourquoi vous me poursuivez?¹²

Сэм не имел понятия, что она сказала, и Артура не было рядом, но оказалось, что она больше знает по-английски, чем он поначалу думал. Своим низким, с хрипотцой голосом девушка повторила:

– Почему ты это делаешь?

– Я хочу с тобой поговорить, – мягко ответил Сэм, мучительно желая погладить ее изящные плечи, слегка вздрагивавшие от вечерней прохлады. На ней было только старенькое синее платье.

Она указала взмахом руки на толпу прохожих, будто предлагая их вместо себя.

– В Париже много девушки... рады говорить с американцы... – Ее взгляд стал жестче. – Рады говорить с германцы, рады говорить с американцы...

Сэм ее понял:

– А ты говоришь только с французами?

Она улыбнулась и пожала плечами:

– Французы тоже говорят с германцы... американцы...

Ей хотелось объяснить ему, как Франция предала саму себя, но она слишком плохо владела английским, да и вообще не собиралась вступать в разговор с незнакомым мужчиной.

– Как тебя зовут? Меня Сэм.

Она замешкалась в нерешительности, думая, что ему это совершенно не нужно знать, а потом пожала плечами и безразличным тоном произнесла:

– Соланж Бертран. – Но руку Сэму не протянула, только равнодушно спросила: – Все?

Сэм показал на кафе напротив:

– Одна чашка кофе, и я уйду. Пожалуйста!

Он думал, что сейчас она снова разгневется, но Соланж впервые заколебалась:

– Je suis très fatigué¹³.

Она указала на книги. Сэм знал, что учебные заведения в Париже закрыты, и поэтому удивленно спросил:

– Ты студентка?

– Я учу... дома маленький мальчик... очень больной...

Сэм кивнул. Он не сомневался ни на минуту, что такая девушка, как Соланж, преисполнена благородства.

---

¹² Почему ты преследуешь меня? (фр.)

¹³ Я очень устала (фр.).

– Ты не голодна?

Соланж, видно, не поняла, и Сэм снова прибег к языку жестов. На этот раз она рассмеялась, и от ее искренней улыбки сердце Сэма ушло в пятки.

– D'accord... d'accord...¹⁴

Она подняла руку с растопыренными пальцами.

– Cinq minutes... пять минута!

– Тебе придется пить быстро, а кофе у них очень горячий...

Сэм чувствовал себя так, будто у него за спиной выросли крылья, когда он, взяв сумку с книгами, вел Соланж через улицу в кафе.

Хозяин заведения встретил ее как старую знакомую и, похоже, удивился, увидев девушку в обществе американского солдата. Соланж называла его Жюльеном, они некоторое время поболтали, потом она заказала чашку чая. От еды Соланж категорически отказывалась, но Сэм заказал ей сам немного сыра и булочку.

Не удержавшись, она все это с жадностью съела. Только в кафе Сэм, рассмотрев ее поближе, впервые заметил, как она худая. Из выреза платья торчат острые ключицы, скулы на лице туго обтянуты кожей. Она с удовольствием осторожно отхлебывала горячий чай.

– Зачем ты это делаешь? – спросила Соланж, отставив чашку и с любопытством глядя на него. – Je ne comprend pas¹⁵.

Сэм не мог ей объяснить, почему ощущал такую внутреннюю потребность поговорить с ней: просто с первой минуты, увидев ее, понял, что не сможет повернуться и уйти.

– Не знаю... – произнес он задумчиво, но Соланж, видимо, не поняла.

Сэм развел руками, а потом, чтобы было понятнее, приложил их к сердцу и к глазам.

– Когда я впервые тебя увидел, то почувствовал что-то странное...

С явным неодобрением восприняв его слова, Соланж покосилась на других девушек, сидевших в этом кафе с американскими солдатами, но Сэм торопливо замотал головой:

– Нет, нет... не то... гораздо больше.

Он показал «больше» руками, а Соланж печально посмотрела на него, словно умудренная жизненным опытом женщина на наивного подростка.

– Ça n'existe pas...¹⁶ Это не существует.

– Что?

Она показала на сердце и повторила его жест, обозначавший «больше».

– Ты потеряла кого-то на войне?... – Сэм чувствовал себя ужасно неловко, задавая этот вопрос. – Может быть, мужа?

Она покачала головой и почему-то, вопреки своему намерению, решила ему рассказать о себе:

– Мой отец... мой брат... немцы убивать их... моя мама умирать от туберкулез... Мой отец, мой брат... dans la Résistance¹⁷.

– А ты?

– J'ai soigné ma mère...¹⁸ Я... смотреть моя мама...

– Ты ухаживала за своей матерью?

Соланж кивнула.

---

¹⁴ Хорошо... хорошо... (фр.)

¹⁵ Я не понимаю (фр.).

¹⁶ Не существует (фр.).

¹⁷ В сопротивлении... (фр.)

¹⁸ Я заботилась о своей матери... (фр.)

– J'avais peur¹⁹, – махнула она рукой, злясь сама на себя, и изобразила испуг, – de la Résistance... потому что мама очень сильно меня нуждается... Мой брат был шестнадцать...

Глаза Соланж наполнились слезами. Сэм невольно коснулся ее руки, и она почему-то не отдернула руку. Повисла напряженная пауза. Потом девушка снова взяла чашку и отпила глоток чая, стараясь, чтобы не было заметно, как дрожат ее пальцы.

– А другая родня у тебя есть?

Она не поняла.

– Еще братья? Сестры? Дяди, тети?

Соланж серьезно посмотрела на него и покачала головой.

На протяжении последних двух лет она была одна – одна в оккупированном немцами Париже. Давала уроки, чтобы заработать себе на жизнь. После смерти матери часто думала о вступлении в Сопротивление, но страх был слишком силен, да и брат ее, которого выдал сосед, погиб так бессмысленно, не успев совершить никакого героического поступка, что его смерть охладила ее пыл.

Казалось, что все кругом пособники врага и изменники, кроме горстки истинных патриотов Франции, которые, рискуя жизнью, боролись за свободу своей страны.

Все переменялось. Другой стала и Соланж. Из смешливой, жизнерадостной девушки она превратилась в раздражительную, обозленную, замкнутую особу. И все-таки этот парень чудом сумел ее растрогать. Соланж, пусть ненадолго, снова почувствовала себя прежней, и это ей очень нравилось.

– Сколько тебе лет, Соланж?

– Dix-neuf...²⁰

Она пыталась вспомнить соответствующее число по-английски.

– Девяносто, – сказала она неуверенно.

Сэм рассмеялся и покачал головой.

– Не может быть! Девятнадцать?

Соланж поняла свою ошибку и тоже рассмеялась, поразительно преобразившись при этом.

– Et vous?²¹ – спросила она.

– Двадцать два.

Их разговор со стороны ничем не отличался от обычной болтовни юноши с девушкой. Вот только опыт у этих молодых людей был совсем не юношеский: у нее – оккупационный, у него – фронтовой.

– Vous êtes étudiant?...²² Студент?

Сэм кивнул:

– Гарвардского университета, в Бостоне.

Он этим невероятно гордился, и обрадовался, когда заметил в ее глазах интерес и уважение.

– Арвар? – повторила Соланж на французский манер.

– Ты о нем слышала?

– Bien sur...²³ конечно! Как Сорбонна, да?

– Да, наверное.

Сэму было приятно, что Соланж известно название его университета.

---

¹⁹ Я была напугана (фр.).

²⁰ Девятнадцать... (фр.)

²¹ А тебе? (фр.)

²² Ты студент?... (фр.)

²³ Конечно... (фр.)

Чай был выпит, тарелка давно опустела, но Соланж, казалось, теперь уже не спешила уходить.

– Соланж, можно с тобой завтра увидеться? Может, сходим погулять? Или съедим вместе ленч... или поужинаем?

Сэму не трудно было догадаться, что она голодает, плохо питается, и он почувствовал желание хоть немного подкормить ее.

Соланж отрицательно замотала головой и указала на книги в сумке.

– Потом?.. Или до?.. Пожалуйста... Я не знаю, сколько еще здесь пробуду.

Ходили слухи, что им вскоре придется покинуть Париж и двинуться к германской границе. Мысль о возможном расставании с Соланж казалась Сэму чудовищной. «Не сейчас... не так скоро... а может, и вообще никогда», – думал он.

Это была его первая любовь, и, едва обретя ее, он не мог так быстро ее потерять.

Соланж вздохнула. Сэм был таким настойчивым, что поначалу даже напугал ее. Но после нескольких минут беседы она изменила о нем свое мнение. За все время оккупации она не водила знакомства ни с одним немцем, а уж тем более с солдатами, и теперь ее принципы не изменились, но все же... Этот парень американец и кажется таким дружелюбным и открытым.

– D'accord, – наконец сдержанно произнесла она.

– Я очень надеялся, что ты согласишься, – кивнул Сэм и, видя, что Соланж смутилась, с улыбкой коснулся ее руки. – Спасибо.

Они медленно поднялись из-за столика, и Сэм проводил ее через улицу, к подъезду. Соланж протянула ему руку и вежливо поблагодарила за ужин, потом тяжелая входная дверь закрылась за ней.

Медленно шагая по парижским улицам, Сэм чувствовал, что его жизнь изменилась буквально в считанные часы, что эта женщина... эта девушка... это необыкновенное создание – его судьба.

Глава 2

– Где ты пропадал вчера вечером? – поинтересовался Артур за завтраком.

Квартировали они в гостинице «Идеал» на рю Сан-Себастьян. Солдаты союзнических армий были размещены в подобных гостиницах по всему Парижу. Сам Артур предыдущий вечер провел в исключительно приятной компании, хотя вина было многовато, а женщин – наоборот.

– Я ужинал с Соланж, – невозмутимо ответил Сэм, допивая кофе.

– Кто это? Ты, значит, снял парижанку после того, как смылся от меня?

– Нет...

Сэм со свойственной ему озорной улыбкой посмотрел прямо в глаза приятелю:

– Ты тоже знаком с Соланж... Мы вчера встретили ее на рю д'Арколь... Рыжие волосы, зеленые глаза... стройные ноги... классная походка...

– Ты серьезно?..

Артур быстро оправился от изумления и тут же рассмеялся – Сэм, конечно, шутил.

– Я тебе чуть было не поверил. Ну правда, где ты был?

– Я же сказал тебе: с Соланж.

На этот раз он говорил абсолютно серьезно.

– Уокер, ты не врешь? С той девушкой? Где ты ее нашел, черт тебя дерит?

– У ее дома. Я вернулся – так, на всякий случай, – а она как раз возвращалась домой.

Она занимается с больным ребенком.

Артур удивленно уставился на друга:

– Как ты это выяснил? Насколько я помню, она с нами говорила только по-французски, к тому же на жаргоне.

– Она немного говорит по-английски. Она, правда, сказала, будто ей девяносто лет, но в остальном мы общались вполне нормально.

Сэм не мог скрыть самодовольства, считая, что Соланж теперь его девушка.

Глядя на друга, Артур пожалел, что сам не проявил настойчивости. Сэм принадлежал к тому типу людей, которым достается в жизни все лучшее.

– Сколько ей лет?

Артура разобрало любопытство. Ему тоже хотелось все о ней знать.

– Девятнадцать.

– И ее папаша не набросился на тебя с кухонным ножом?

Сэм покачал головой:

– Ее отца и брата убили немцы, а мать умерла от туберкулеза. Она живет одна.

Артур был поражен. У них, видно, действительно состоялся обстоятельный разговор, раз приятелю удалось столько узнать о ней.

– Ты с ней и дальше будешь встречаться?

Сэм кивнул и, уверенно улыбаясь, произнес:

– Обязательно. И хотя она этого еще не знает, после войны мы обязательно поженимся.

Артур с трудом скрыл свое изумление, но ничего не сказал, потому что понял – его друг и не думает шутить.

Вечером, за ужином, Соланж рассказала Сэму, как ей жилось в Париже при немцах. В некотором смысле ее испытания были даже тяжелее тех, что выпали на его долю.

Беззащитной девушке пришлось применять всю свою смекалку, чтобы избежать ареста, пыток или изнасилования. Немцы вели себя в Париже как хозяева и считали всех французских женщин своими. После гибели отца ей пришлось содержать мать, и Соланж отдавала ей все продукты, которые удавалось добыть. В конце концов, их выселили из квартиры, и мать Соланж

умерла у нее на руках в снятой комнатухе, где девушка жила и сейчас наедине со своими печальными воспоминаниями.

После ужасных лет оккупации у нее пропала вера в людей. Выдача немцам ее брата стала последним ударом по ее патриотическим чувствам к соотечественникам.

– Я хотел бы, чтобы ты когда-нибудь повидала Америку, – произнес Сэм, прощупывая почву.

Он с удовольствием наблюдал, как Соланж с аппетитом ест все, что он заказал.

Она в ответ пожала плечами, показывая, что мечты об этом нереальны:

– Очень далеко...

И соответствующий жест подкрепила французской фразой:

– *C'est très loin...*²⁴

Для нее это было решающим аргументом.

– Да нет. Не так уж это далеко.

– А ты? После война опять Арвар?

– Может быть...

Сэм не знал, продолжит ли он теперь учебу в университете. Может, все-таки стоит попробовать себя на актерском поприще? – задумывался он.

На привалах, в окопах они с Артуром много об этом говорили. Тогда университет казался чем-то очень важным, но трудно было предугадать, как все сложится после возвращения домой. Многое может измениться.

– Я хочу быть актером...

Ему хотелось увидеть ее реакцию. Соланж заинтересовалась.

– Актером? – переспросила она, а потом кивнула в знак одобрения.

Сэм просиял и чуть не расцеловал ее. Для Соланж, правда, причина его радости была не совсем понятна.

Он заказал вазу фруктов – их Соланж не ела уже несколько месяцев. Щедрость Сэма смущала ее, но в то же время казалась очень естественной, словно они были старыми друзьями. Не верилось, что это всего лишь второй совместный ужин.

Их дружба расцвела. Они регулярно встречались, гуляли вдоль Сены, заходили в маленькие бистро и кафе поговорить, перекусить или посидеть молча, держась за руки.

Сэм в те дни почти не виделся с Артуром, а когда наконец встретился с ним за завтраком, услышал новости, которые ему совсем не понравились.

Спустя два дня после победного парада на Елисейских Полях войска под командованием генерала Патона форсировали реку Мез, а еще через неделю заняли город Мец на реке Мозель, вплотную приблизившись к границам Бельгии. Было маловероятно, что их полку дадут долго прохладиться в Париже. 3 сентября Брюссель и Антверпен освободили британские войска.

– Вот увидишь, Сэм, нас точно опять пошлют на фронт, – мрачно заметил Артур за кофе.

Сэм знал, что он прав, и приходил в отчаяние при одной мысли, что придется расстаться с Соланж.

В день взятия Брюсселя англичанами он пришел к ней в комнату, осторожно снял с нее старенькое синее платье, доставшееся Соланж от матери, и впервые овладел ею. К своему изумлению и радости, Сэм обнаружил, что она девственница. Он осушал поцелуями слезы счастья на ее щеках, когда она лежала у него в объятиях. Сэм целовал Соланж и чувствовал, что этой рыжеволосой красавице навсегда отдано его сердце.

– Сэм, я так тебя люблю... – ласково говорила она, старательно произнося слова.

– Я тоже, Соланж... Я тоже...

---

²⁴ Это очень далеко... (фр.)

Мысль о предстоящем расставании была теперь для него невыносима. Он знал, что Соланж тоже будет очень страдать. Она привязалась к нему, стала доверчивой и откровенной, во всем на него полагаясь.

Прошло еще две недели, и поступил приказ отправляться на фронт. Война продолжалась, хотя ее конец близился. Никто не сомневался, что скоро вся Европа будет освобождена от фашистов и Германия падет... возможно, даже к Рождеству.

Как-то вечером Сэм повторял это Соланж, страстно лаская ее прекрасное тело. Кожа у нее была атласная, распущенные волосы словно бы лизали плечи и грудь огненными язычками.

– Я люблю тебя, Соланж... Боже мой, как я тебя люблю!

Он никогда не думал, что обретет свою любовь в далеком прекрасном Париже.

– Ты выйдешь за меня, когда кончится война?

Глаза ее были полны слез, она ничего не ответила, потом взглянула на Сэма, и слезинки покатались по ее щекам.

– В чем дело, милая?

Соланж было трудно говорить, тем более на чужом языке.

– На войне все меняется, Сэм...

Он обожал то, как она произносит его имя, обожал ее легкое дыхание, ее манеру говорить, ее запах. Он страстно любил в ней все и чувствовал себя на седьмом небе. Никогда прежде Сэм не переживал эмоций, которые познал с Соланж.

– Ты идти опять в Арвар... после... и... – Она беспомощно пожала плечами. – Ты забудешь Париж.

На самом деле она имела в виду, что Сэм забудет ее.

Он в изумлении уставился на свою любимую:

– Ты и вправду думаешь, что я смогу это забыть? Ты и вправду думаешь, что это нечто вроде солдатского спорта? Да я же люблю тебя, черт возьми!

Соланж впервые видела его таким сердитым.

– Я люблю тебя. Понимаешь? Вот что важно! И когда война кончится, я заберу тебя с собой в Штаты. Поедешь?

Соланж медленно кивнула, все еще не в силах поверить, что он действительно намеревается связать с ней свою жизнь навсегда... если, конечно, он останется в живых. Она похолодела при мысли, что Сэм может погибнуть. За годы войны она потеряла всех своих близких, а теперь могла потерять и его. Но она решила не заглядывать так далеко в будущее, а жить сегодняшним днем, наслаждаться близостью Сэма, пока война не разлучила их.

Сэму казалось, что его душу рвут на части.

В день их отправки на фронт Соланж пришла попрощаться, но ни она, ни Сэм не могли произнести ни слова от слез, душивших обоих. Артур никогда не видел друга таким подавленным и несчастным, как в тот день, когда маршевые колонны шли через пригороды Парижа. Сэм старался заставить себя не оборачиваться, он не мог смотреть, как она, глядя им вслед, рыдает. Временами у него появлялись мысли о дезертирстве, и они приводили его в ужас, заставляя страдать еще сильнее.

Когда они достигли Арденн, Сэм сражался еще более самоотверженно, чем прежде, словно мог этим ускорить возвращение к Соланж, а потом, вместе с ней, – домой.

Но к исходу сентября мечты об окончании войны к Рождеству стали таять. Немцы оказались не так слабы, как все думали, и дрались с отчаянием обреченных. Лишь в конце октября был взят Ахен, его освобождение снова пробудило определенные надежды у Сэма, Артура и их товарищей. С Арнемом дело обстояло сложнее; кроме того, наступила зима – пронизывающие ветры и холода напомнили Сэму и Артуру предыдущую зиму, проведенную в горах Италии.

С октября по декабрь им пришлось сражаться в трудных условиях, увязая в грязи и снегу. Гитлер бросал в бой все новые танковые бригады; казалось, бронированные волны будут накапывать без конца.

– Господи, когда же все это кончится? – вздыхал Сэм по вечерам, когда они, окоченевшие от холода, сидели в темноте.

Артур прежде не видел друга таким надломленным. Он говорил только о праздновании Рождества с Соланж, но всем давно стало ясно, что этим надеждам не суждено сбыться.

16 декабря началась решающая битва за Арденны. Целую неделю шли ожесточенные бои. Лишь двадцать третьего числа удалось отбросить немцев назад, но даже тогда победа союзников казалась далекой. Особенно удручающим явилось известие о расстреле немцами 17 декабря в городке Мальмеди девяноста военнопленных: эта жестокая акция была нарушением всякой военной этики, если таковая вообще существовала на этой кровавой бойне.

В рождественский сочельник Артур и Сэм сидели рядом в засыпанном снегом окопе, пытаясь не замерзнуть, и делились пайком.

– Не знаю, Артур... По-моему, в прошлом году индейка была лучше. Видно, придется заменить повара...

Сэм шутил по привычке, но глаза у него остекленели от усталости, а на впалых щеках чернела недельная щетина. Он, казалось, постарел на десять лет, с тех пор как покинул Париж: может быть, потому, что теперь у него появилось то, что он боялся потерять.

Их сержанта убили в Арденнах, и Сэм вдруг затосковал по нему... по Соланж... даже по сестре, которая по-прежнему ничего не писала.

– Интересно, что делает сейчас Соланж? – задумчиво произнес Сэм.

Артур бы улыбнулся, если бы замерзшие губы повиновались ему.

– Наверное, думает о тебе, счастливчик ты этакий.

Он вспомнил ее удивительную красоту и снова пожалел, что не проявил тогда настойчивость, в ту первую встречу. В конце концов, он говорил по-французски; может быть, и смог бы покорить ее... Но Артур тут же одернул себя. Теперь она девушка Сэма, и этим все сказано.

– Хочешь шоколадное пирожное?..

Сэм протянул кусочек твердого как камень печенья, которое носил в кармане куртки целую неделю. Артур, скривившись, отказался.

– А-а, ты предпочитаешь суфле со взбитыми сливками? Ладно, съем это сам, я не такой разборчивый.

– Кончай, а то у меня от голода начинаются рези в желудке.

Но на самом деле они были слишком озябшими и обессиленными, чтобы хотеть есть; слишком прозябшими, слишком усталыми и слишком угнетенными.

Лишь через два дня немцы дрогнули и начали отступать, и битва за Арденны наконец закончилась. В марте части Ремаген, недалеко от Бонна, переправились через Рейн, а в апреле в Липпштадте соединились с Девятой армией. В Руте в плен было взято триста двадцать пять тысяч немецких солдат и офицеров. Война, похоже, действительно заканчивалась. 25 апреля в Торгау произошла встреча с русскими.

Двумя неделями раньше умер Рузвельт; новость всех огорчила, но солдаты были полны решимости победить и скорее вернуться домой. Началась битва за Берлин, и 2 мая в немецкой столице наконец воцарилась тишина.

7 мая Германия капитулировала. Артур и Сэм глядели друг на друга, не стесняясь слез. Неужели все кончилось? Не сон ли это? Они прошли северную Африку, Италию, Францию, Германию. Казалось, что позади полмира, полмира, в освобождении которого есть и их заслуга.

– Боже мой, Сэм... – прошептал Артур, когда они услышали сообщение. – Война кончилась... Я не могу в это поверить.

Они обнялись как братья, которыми в самом деле стали, а у Сэма мелькнуло чувство сожаления, что такая минута больше никогда не повторится, но в следующее мгновение он все же был благодарен за это судьбе. Он подбросил в воздух каску и радостно закричал...

Домой! Сэм собирался выполнить данное Соланж восемь месяцев назад обещание забрать ее с собой.

Глава 3

Командование дало ему три дня перед отправкой на пароходе в Штаты, и Сэм тут же помчался в Париж. За время их разлуки Соланж ничуть не изменилась – может быть, стала только красивее. Увидев его живым и невредимым, она испытала огромную радость и облегчение.

Три дня пролетели для влюбленных незаметно.

Когда Сэм садился в поезд, чтобы снова вернуться в Берлин, Соланж дала волю слезам. Он хотел оформить с ней брак до отъезда из Парижа, но на это потребовалось бы слишком много бюрократических формальностей, легче было им пожениться в Штатах.

Сэм пообещал, что к концу лета организует ее переезд. Для начала надо было заработать хоть немного денег. Он уже решил не возвращаться в Гарвард, а попробовать себя на актерском поприще. Деньги требовались прежде всего для оплаты ее билета и устройства на новом месте.

Сэм хотел, чтобы Соланж прибыла из Франции с туристической визой, тогда брак можно было бы оформить сразу после ее приезда. Он строил радужные планы, но предстоящие пара месяцев ожидания казались ему вечностью.

Артур уговорил друга поселиться в Нью-Йорке у него, пока тот не найдет себе квартиру. На это тоже требовалось время.

– Не плачь, моя радость, – утешал Сэм любимую, когда они прощались на перроне вокзала. – Обещаю... не позже сентября мы будем вместе.

Он надеялся, что за это время сумеет все организовать и соберет достаточную сумму денег на ее содержание. Сэму было двадцать три года, он пережил войну, и весь мир был у его ног.

– Я люблю тебя, Сэм! – крикнула Соланж, когда поезд тронулся, и махала до тех пор, пока эшелон не пропал из виду.

– Красивая у тебя девушка, рядовой, – заметил с восхищением сержант – сосед по купе, когда они заняли места, но Сэм в ответ только сдержанно кивнул.

Ему не хотелось ни с кем обсуждать Соланж и не особенно нравилось, что другие солдаты на нее глазели. Она была очень красивой молодой женщиной, однако принадлежала теперь только ему.

Поезд прибыл в Берлин в полночь, и Сэм направился к месту расположения своей части на поиски Артура. Артур, который предпочитал пышных блондинок, не скучал в одиночестве.

Не дождавшись в тот вечер возвращения Артура, Сэм лег, мечтая о своей невесте, размышляя об их будущей совместной жизни в Нью-Йорке. На короткий миг он забылся тревожным сном, не в состоянии забыть заплаканное лицо Соланж.

Спустя два дня Сэм покинул Германию. Артур по графику должен был отправиться домой двумя неделями позже.

Прибыв в Форт-Дикс, штат Нью-Джерси, Сэм демобилизовался и поездом направился в Нью-Йорк.

Очутившись на вокзале Пенн-стейшен, он почувствовал себя словно на другой планете. После трех лет, проведенных в кровавой мясорубке войны, трех лет сражений, лишений, потери товарищей, невероятным казалось снова быть дома и видеть кругом нормальную жизнь. Сэм вдруг почувствовал себя чужим, никак не мог привыкнуть к нормальной жизни и особенно остро тосковал по Артуру и Соланж.

Остановился Сэм в маленькой гостинице в Вест-Сайде; ежедневно он обивал пороги антрепренеров и театральных студий, искал работу, которая позволила бы свести концы с кон-

цами. При демобилизации ему выдали пособие в размере ста пятидесяти четырех долларов, но эта сумма быстро таяла.

К счастью, спустя две недели прибыл Артур, и Сэм смог поселиться с ним и его матерью – до этого он не хотел ее беспокоить. Радовала не только экономия денег на жилье, но и то, что наконец можно было с кем-то поговорить по душам. Перед сном они с Артуром болтали часами, как дети. Мать Артура укоризненно качала головой, когда молодые люди опаздывали к завтраку. Казалось, что она считает виновным в войне Сэма, думает, что они там, в Европе, неплохо развлекались, а долго не возвращались нарочно, чтобы заставить ее волноваться.

Сэм чувствовал, что был для нее постоянным печальным напоминанием о трудных временах, и поэтому испытал облегчение, когда Артур нашел себе отдельную квартиру и предложил переехать к нему.

Сэм в то время уже работал официантом в ресторане Кларка на Третьей авеню и поступил в театральное училище на Тридцать девятой улице. Он продолжал наведываться в театры и актерские агентства, однако никаких предложений пока не получал. Сэм начинал уже думать, не было ли все это бесплодной мечтой, когда наконец его пригласили на прослушивание в один из театров.

Роль ему не дали, но все же у него появилась надежда, что рано или поздно он достигнет своей цели. Сэм сумел понять свои недостатки, обсудил их со своим педагогом и после прослушивания в конце июля в другом театре получил эпизодическую роль, о чем с гордостью сообщил в письме Соланж.

В сентябре он наконец послал ей сумму, необходимую на переезд в Америку. Денег было достаточно, чтобы купить билет на пароход и приобрести кое-что из одежды. Сэм честно написал, что жить они будут пока на его официантскую зарплату и чаевые и какое-то время им придется нелегко, однако по-прежнему был преисполнен решимости создать семью с Соланж.

Она прибыла 26 сентября туристическим классом на пароходе «Де Грасс», который пока единственный после войны совершал рейсы между Гавром и Нью-Йорком. Сэм с причала разглядывал в бинокль, одолженный у Артура, палубы, изучал каждую женщину и на мгновение впал в панику, подумав, что непредвиденные обстоятельства помешали Соланж прибыть в Америку... Но вот на нижней палубе увидел белое платье, маленькую белую шляпку, рыжие волосы, которые так любил, и лицо, по которому так истосковался. Он неистово замахал, но на пристани было слишком много встречающих и она, конечно, не могла его заметить.

Ему пришлось ждать довольно долго, прежде чем Соланж прошла таможенный досмотр. Сэм просто изнывал от нетерпения. Погода выдалась солнечная, теплая, в порту дул легкий бриз. День был идеальным для встречи влюбленных, хотя никакие природные катаклизмы не могли бы омрачить их радость.

И вот наконец Соланж порхнула к нему в объятия. Шляпка съехала набок, слезы текли по щекам, а Сэм целовал ее, обнимал, плакал и смеялся от радости и облегчения. Он так давно ждал этой минуты.

– Боже мой, Соланж, как же я тебя люблю!

Страсть Сэма, так долго сдерживаемая, прорвалась наружу, словно лава из кратера вулкана.

Он не мог оторваться от Соланж ни на минуту, в первые дни после ее приезда пропустил большую часть занятий по актерскому мастерству и с трудом заставлял себя ежедневно в пять вечера идти на работу.

Сэм нашел дешевую однокомнатную квартиру в районе Сороковых улиц, под железнодорожным мостом, там они и поселились, и каждый вечер, независимо от погоды, Соланж провожала его на работу. В полтретьего ночи Сэм возвращался, приносил продукты, а она всегда его ждала. Они сначала утоляли свое желание, потом голод – иногда в четыре утра.

Наконец на Рождество Соланж категорически заявила, что он должен серьезно подумать о своей карьере актера, а не растрачивать силы на никчемную работу. Сэму это еще казалось отдаленной мечтой, она же верила в него и хотела, чтобы он занялся любимым делом. Иногда Соланж ходила с ним на занятия и сидела в уголке, зачарованная его талантом. Однако педагог был строг к своему ученику и требовал от Сэма полной отдачи. По утрам Сэм читал пьесы и готовился к прослушиваниям.

Время от времени они виделись с Артуром, но не так часто, как Сэму бы хотелось. Встречаться друзьям было сложно, потому что Сэм вечерами работал, а у Артура появилась постоянная девушка. Звали ее Марджори. До войны она окончила колледж Вассар, говорила в нос, имела гладкие светлые волосы и носила прическу «под пажа». Сэм ей не слишком нравился, она всегда находила повод, чтобы напомнить, что он работает официантом.

Более того, Марджори демонстративно игнорировала Соланж, чем ставила в неловкое положение Артура. В разговорах с ним она всегда пренебрежительно отзывалась о Сэме и Соланж. Ее не трогали ни рассказы Артура о войне, ни факт, что Соланж пережила оккупацию Франции и потеряла всю семью.

Сама Марджори в годы войны работала в Красном Кресте и Молодежной лиге и считала это гораздо более достойным уважением. По ее поведению становилось очевидно, что в свои двадцать восемь лет она ужасно боится остаться старой девой. После войны многие девушки утверждали, что они бы давно вышли замуж, если бы все лучшие кавалеры не были за океаном. Вот и Марджори прилагала все усилия, чтобы стать замужней женщиной.

Но Артур, у которого были свои проблемы, не торопился делать ей предложение. Его мать хворала, а кроме того, не хотела, чтобы сын женился на Марджори. Вопрос был не в возможных материальных затруднениях – Артур вернулся в свою прежнюю юридическую фирму и хорошо зарабатывал, но миссис Паттерсон считала, что ее сын мог найти себе другую невесту, помоложе... или вообще подождать с женитьбой.

Сэм видел, что представляет собой миссис Паттерсон, когда жил с ними, и сожалел, что Артур позволяет вмешиваться в свои личные дела. Мать хотела владеть им безраздельно, держаться за него, жить его жизнью, а в его подругах и даже друзьях видела соперников. Она хотела, чтобы сын чувствовал себя виноватым за каждую минуту, проведенную вдали от нее.

– *Le courage lui manque*²⁵, – как-то сказала об Артуре Соланж, когда они с Сэмом болтали за очередным ночным ужином. – У него... нет... характер... – Она обрадовалась, что нашла нужное слово. – Нет сердце... нет... смелость.

– Сердце у него есть, Соланж, и очень хорошее, – встал на защиту друга Сэм. – Он просто не такой пробивной, каким мог бы быть.

«Да и мать держит его как в тисках», – добавил он мысленно.

– *Voilà*, – согласилась Соланж. – Нет смелость. Он должен жениться на Марджори, если хочет, или сказать *au revoir*, или, может быть, – сказала она озорно, – должен пороть ее...

Сэм рассмеялся – не мог с этим не согласиться.

– ...И он должен сказать своей мамаша... *merde*!

Сэм расхохотался. Они с Соланж прекрасно понимали друг друга в любой ситуации, в какую бы ни попадали, по большинству вопросов их точки зрения совпадали. У Соланж было золотое сердце, она, искренне преданная Сэму, в то же время очень хорошо относилась к Артуру, что для Сэма много значило.

Артур был свидетелем на их бракосочетании, состоявшемся в городской ратуше через три дня после прибытия Соланж, и занялся оформлением ее документов. Она звала его своим *grand frère*, старшим братом, и проникновенно глядела на него своими огромными зелеными глазами. Артур относился к ней с симпатией и нежностью.

²⁵ Ему не хватает мужества (*фр.*).

В конце концов Марджори добилась своего, и весной 1946 года в Филадельфии, откуда она была родом, состоялась «скромная» свадьба. По мнению Сэма, которого он, правда, не высказывал другу, Артур променял одну женщину со сложным характером на другую – с не менее сложным.

Мать Артура плохо себя чувствовала и по совету доктора не поехала в Филадельфию на бракосочетание сына. Соланж и Сэм тоже не поехали, будто бы из-за того, что это всего лишь маленькое семейное торжество в узком кругу, на которое Марджори пригласила только своих ближайших друзей. Потом, это слишком далеко... слишком сложно... им наверняка не понравится... Но все это были отговорки, потому что Соланж видела объявление в газетах, где речь шла о пышном венчании в епископальной церкви Святого Петра в Филадельфии с участием пятисот гостей и о роскошном приеме в Филадельфийском клубе. Артур тоже заметил это объявление и молился, чтобы Уокеры не обратили на него внимания, потому что он испытывал чувство вины перед своими друзьями.

– Это нехорошо с его стороны, Сэм.

Соланж было обидно за мужа, но Сэм, похоже, отнесся к такому поступку на удивление снисходительно.

– Это вина Марджори, а не его.

– Quand même...²⁶

И все-таки... это только подтверждало слова Соланж. У Артура не было характера, и Сэм подозревал, что Марджори может серьезно осложнить их дружбу.

Так все и получилось.

Они с Артуром иногда днем встречались и где-нибудь перекусывали вместе, порой в обществе Соланж, но Марджори никогда с ними не обедала. Теперь, чувствуя, что обручальное кольцо плотно сидит у нее на пальце, она объявила, что собирается изучать право и не намерена в ближайшее время заводить детей. Артур опешил от такого заявления супруги. Он надеялся завести детей как можно скорее, и Марджори до самой свадьбы полностью с ним в этом соглашалась.

Однако у Сэма и Соланж было достаточно своих забот. Соланж буквально жила делами мужа и постоянно уговаривала его серьезнее относиться к актерской карьере. К осени 1947 года она знала уже все спектакли на Бродвее, прокрадывалась на репетиции и читала все статьи и заметки о театре, которые ей только попадались. Сэм тем временем ежедневно посещал занятия в театральном училище и ходил на все прослушивания, о которых только ему становилось известно. Их совместные усилия принесли плоды раньше, чем они ожидали.

Великий перелом наступил для Сэма сразу после Рождества. Он получил ведущую роль в спектакле одного из театров и имел очень хорошие рецензии и отзывы критиков. Спектакль через четыре с половиной месяца сняли, но опыт работы в нем был бесценным.

Летом Сэм играл в театре города Стокбриджа, штат Массачусетс, и, будучи там, решил навестить сестру. Ему стало стыдно, что за целых три года, прошедших с окончания войны, он ни разу не попытался найти ее. Соланж даже упрекала его за отсутствие родственных чувств, пока сама не познакомилась с Эйлен и Джеком Джоунс и не поняла, почему муж игнорирует свою сестру.

Сэм разыскал ее благодаря старым соседям. Эйлен жила на грязной улице в беднейшем пригороде Бостона и была замужем за бывшим моряком, который для начала угостил шурина и его супругу изрядной порцией похабных анекдотов. Сама Эйлен, когда они сидели у нее в гостиной, говорила мало и, похоже, была сильно пьяна. Волосы у нее были, как и прежде, обесцвечены, но у корней уже отрастали темные; платье так плотно облегалo фигуру, что с

---

²⁶ И все же... (фр.)

таким же успехом она могла бы не надевать ничего и этим явно порадовала бы своего мужа. Трудно было предположить между ней и Сэмом даже отдаленное родство.

Окончание визита и Соланж, и Сэм восприняли с облегчением. Когда они вышли от Джонсов, Сэм глубоко вздохнул и посмотрел на жену с улыбкой, в которой сквозили грусть и разочарование.

– Ну вот, дорогая, теперь ты видела, что представляет собой моя сестра.

– Я не понимаю... как такое могло с ней случиться? – изумилась Соланж, которая с возрастом только хорошела и одевалась очень красиво, несмотря на их стесненность в средствах. Ее саму можно было принять за актрису или за преуспевающую манекенщицу.

– Она всегда была такая, – объяснил Сэм. – Мы никогда не ладили. – И со вздохом добавил: – Честно говоря, я никогда ее не любил.

– Как это плохо!

Бостон они покидали с чувством облегчения, зная, что отсутствие общения с Эйлен – это не такая уж большая потеря.

Зато о том, что контакты с Артуром стали гораздо реже, оба, безусловно, жалели. Один раз за лето он приехал посмотреть спектакль, и игра Сэма его очень впечатлила. Он, конечно, извинялся за Марджори, которая якобы очень плохо себя чувствовала и поэтому не смогла приехать, но на самом деле она отправилась к родителям в их загородный дом под Филадельфией. С осени Марджори приступала к занятиям на юридическом факультете Колумбийского университета и хотела отдохнуть перед началом учебного года. Конечно же, Соланж и Сэм не стали ни о чем расспрашивать.

Однако в сентябре Артур и Марджори отошли на второй план. Сэм получил свою первую значительную роль. Соланж на радостях купила бутылку шампанского, которую они и выпили вдвоем, преисполненные надежд на будущее.

Это была главная роль в пьесе «Дикость», обещавшей стать гвоздем сезона на Бродвее. Роль была как будто специально написана для Сэма – и режиссер не сомневался в его успехе. Артур проследил за оформлением контрактов, Сэм предупредил в ресторане, что с осени уже не будет у них работать, и с энтузиазмом приступил к репетициям. Спектакль имел богатых спонсоров и ставился одним из лучших режиссеров Бродвея. Карьера Сэма Уокера имела блестящее начало: в ту зиму ему предстояло играть вместе с такими знаменитостями, как Рекс Харрисон, Генри Фонда, Дэвид Уэйн и Энн Джексон. Это был год, который мог стать решающим в его жизни.

Чтобы отметить такое событие, Артур пригласил Сэма и Соланж на ленч в ресторан «21». Он объяснил, что у Марджори много занятий в университете, поэтому она не могла присутствовать. Соланж поделилась с Артуром новостью, с которой ночью уже познакомила мужа и от которой тот пришел в совершенный восторг. Свершилось долгожданное событие – Соланж ждала ребенка. Он должен был родиться в апреле, а к тому времени Сэм успеет утвердить себя в спектакле.

Все складывалось просто великолепно. Артур за ленчем задумчиво смотрел на своих друзей. Ему было только тридцать два года, но он выглядел гораздо старше своих лет. Он тоже хотел иметь детей, но ко времени окончания юридического факультета Марджори исполнится тридцать три года, потом она захочет делать карьеру... Артур понимал, что реально ему своих детей не видать, поэтому будущий ребенок Соланж и Сэма казался еще более важным.

– Завидую вам, ребята!

Он имел в виду не только ребенка, но и все, что у них было: взаимную любовь, веру Соланж в талант мужа. Для них все только начиналось. Сэму было двадцать шесть лет, а Соланж двадцать три, хотя с их первой встречи в освобожденном Париже минуло, казалось, много световых лет. Соланж, элегантная и ухоженная, была еще красивее, чем прежде. Казалось, счастье и энтузиазм переполняют ее.

К осени энтузиазм супругов ничуть не уменьшился. Сэм репетировал с утра до ночи, оттачивая роль до совершенства. Домой приходил усталый, но всегда находил в себе силы для того, чтобы приласкать Соланж, рассказать о труппе и театральных новостях. Его партнершей в спектакле была Барбара Джордж, звезда Бродвея первой величины. Она многому его учила, о чем Сэм говорил Соланж с восторгом.

Премьера состоялась 9 декабря. Рецензии театральных критиков превзошли все ожидания. Трудно было в это поверить... более того – просто невозможно... Но он смог, сумел!

Глава 4

Ребенок родился в счастливый момент их жизни, когда супруги Уокер продолжали упиваться неслыханным успехом Сэма на Бродвее. Складывалось впечатление, что Соланж все превосходно подгадала: роды начались, когда в субботу вечером опустился занавес, а на следующее утро, в десять часов, в «Докторс хоспитал» на Ист-Энд-авеню появилась на свет девочка с темными, как у отца, волосиками и зелеными, как у мамы, глазами. Сердце Сэма, как только он увидел малышку, было отдано дочурке. Он был безмерно благодарен Соланж, усталой, но гордой, словно она теперь владела каким-то важным секретом, доставшимся ей с большим трудом.

На следующий день первым посетителем был Артур. Глаза его увлажнились, когда он смотрел на новорожденную. Девочку назвали Хилари, Соланж это имя нравилось, хотя выговаривать его ей было трудно. Она так и не освоила звук «х», называла дочь Илари и шептала ей что-то по-французски, когда сестры приносили новорожденную на кормление. Счастливые родители попросили Артура быть крестным, что его очень тронуло, но в качестве крестной вместо Марджори Сэм пригласил свою партнершу по спектаклю, Барбару Джордж.

Крещение состоялось в торжественной обстановке, в кафедральном соборе Святого Патрика. На малышке была чудесная кружевная рубашечка, которую крестная купила в магазине Бергдорфа Гудмана, а на Соланж – новая норковая шуба, которую, как и кольцо с бриллиантом, Сэм подарил жене по случаю рождения дочери.

С момента получения им роли в бродвейском спектакле их материальные условия значительно улучшились, они переехали в более просторную квартиру на Лексингтон-авеню – не шикарную, но все-таки трехкомнатную: там была детская, выходившая окном на маленький скверик, уютная спальня Сэма и Соланж и гостиная, достаточно большая, чтобы принимать друзей. К ним теперь частенько кто-то заходил, преимущественно это были актеры, новые товарищи Сэма по труппе. Соланж не возражала против их визитов: наоборот, это ей нравилось.

Спектакль шел весь год и был снят лишь после Рождества 1949 года. В течение следующего месяца Сэм получил множество предложений, и когда он наконец выбрал наиболее подходящее, надо было уже приступать к репетициям и не оставалось времени перевести дух в кругу семьи.

Хилари исполнилось девять месяцев, она то появлялась у Сэма под ногами в ванной, когда он брился, то под столом, за которым он утром пил кофе, и беспрестанно лопотала «да-да-да», чем приводила его в умиление. Он хотел, не особо откладывая, завести еще одного ребенка, надеясь, что будет мальчик, но Соланж предпочитала подождать. Она радовалась маленькой Хилари и считала, что должна уделять ей максимум внимания. Она была заботливой матерью, но Сэма, казалось, любила даже больше, чем до рождения ребенка, словно ее запасы любви с появлением дочери десятикратно увеличились.

Материнство нисколько не повредило ее внешности. Соланж оставалась потрясающе красивой молодой женщиной; теперь и пресса стала о ней писать как о фантастически привлекательной жене Сэма Уокера. Частенько у нее брали интервью, но она всегда переводила разговор на Сэма и его актерский талант. Критики совершенно с ней соглашались, особенно после премьеры нового спектакля. Он шел на протяжении двух сезонов, когда же был в конце концов снят, Сэм решил немного передохнуть, и они с Соланж отправились на побережье.

Соланж вскоре забеременела. Спустя девять месяцев, в вечер премьеры следующего спектакля Сэма, родилась еще одна девочка, на этот раз рыжеволосая, как ее мама. Соланж пришлось мчаться в больницу в сопровождении Артура сразу после того, как поднялся занавес. Она ужасно жалела, что не посмотрела премьеру, но и так едва дотянула до больницы, по дороге все время сжимала руку Артура, а тот торопил шофера.

Александра появилась на свет через десять минут после их приезда, прямо на каталке, не доезжая до родовой палаты. Малышка громко закричала, появившись на свет, и медперсонал поздравил Соланж с рождением здоровенькой девочки.

Артур пришел ее навестить, как только Соланж поместили в палату, и шутил, что она могла бы уже с малышкой успеть на финал пьесы. Соланж идея понравилась, она сожалела только, что это нереально. В качестве утешения Артур пообещал после спектакля доставить к ней Сэм и уехал, тепло простившись.

Сэм появился в больнице только на следующее утро. Он объяснил, что не мог вырваться с нескончаемого банкета по случаю премьеры, и старался при этом не замечать обиды в глазах жены. Соланж ждала его всю ночь, а он даже не позвонил.

Словно искупая свою вину, Сэм принес ей в подарок великолепный изумрудный браслет, но не смог этим унять ее боль. Соланж пыталась догадаться, где он на самом деле был. Он вообще в последнее время уделял ей мало внимания, объясняя это необходимостью отдавать все свое время спектаклю, и все же... в ее представлении ребенок был гораздо важнее. Однако Сэм говорил только о своей партнерше по спектаклю. Она, похоже, его совершенно очаровала.

Из больницы Соланж и Александру забирал Артур, потому что Сэм был занят на репетиции. Он постоянно отсутствовал, возвращался домой лишь поздно ночью.

Соланж ничего не говорила мужу, тщательно скрывала свои переживания, надеясь, что все образуется. Она сознавала, что в их браке наступили перемены, и начинала чувствовать в душе некую пустоту, причинявшую постоянную боль.

Похоже, лишь Артур это замечал, с ним единственным она могла говорить по душам. У него, правда, были свои проблемы. Он хотел иметь детей, а Марджори не желала об этом и слышать. Осуждая поведение Сэма, Артур считал его круглым дураком, но вслух этого не высказывал, а лишь пытался морально поддержать Соланж во время их частых встреч, обычно происходивших в обеденное время. Артур осуждал Сэма за нечестность по отношению к столь беззаветно любившей его жене и нередко жалел, что тогда, в Париже, не проявил большей настойчивости, чем Сэм, но что было толку теперь в этих сожалениях? Соланж принадлежала другому и любила своего мужа.

– А ты, Артур, счастлив? – спрашивала она и тут же сама отвечала: – Нет, конечно же, нет... Я напрасно спрашиваю тебя...

Артур только с тоской смотрел на нее. Как можно быть счастливым с женщиной вроде Марджори? Это же просто эгоистичный, честолюбивый айсберг.

– Тебе следовало бы заставить ее родить детей, если ты хочешь их иметь. Время работает против вас.

Соланж сказала это с серьезным видом, но Артур с горечью рассмеялся. Невозможно было заставить Марджори что-то сделать, если она этого не хотела. По крайней мере, он не мог: не такой он человек.

– Невозможно заставить женщину иметь детей, – покачал головой Артур. – В конце концов получится, что и мать несчастна, и дети тоже. Не то что твои.

Хилари и Александра были прелестными малышками, Артур боготворил их. Хилари была темноволосая, как Сэм, и зеленоглазая, а Александра – ярко-рыжая и голубоглазая.

Артур улыбнулся Соланж и увидел в ее глазах печаль. Она знала, как проводит время Сэм: слухи о его похождениях распространялись по Нью-Йорку быстро, да и газеты уделяли ему много внимания.

– Он ужасный глупец. Ему тридцать один год, мир лежит у его ног... и жена у него такая, за которую любой мужчина дал бы отсечь себе правую руку.

– Зачем мне рука? – усмехнулась Соланж. – Мне нужно его сердце, а не рука... или все эти дорогие безделушки. Когда он наносит, то непременно приносит украшения с бриллиантами.

– Я в курсе, – нахмурился Артур.

Он по-прежнему давал Сэму рекомендации относительно его финансов и в последнее время настаивал, чтобы тот жил экономнее. Но Сэм его не слушал и упивался успехом: все покупал, покупал и покупал... все только самое лучшее для дочек... меха и ювелирные украшения для жены... одежду для себя и дорогие подарки для любовниц. О нескольких его возлюбленных Артур был осведомлен, но в глубине души надеялся, что Соланж ничего не знает. Но, оказывается, дело обстояло иначе. Ему впервые показалось, что она действительно несчастна.

– Я не знаю, Артур, что мне делать. Устроить ему сцену и сообщить, что знаю обо всем, или тихо сидеть и ждать, когда это закончится. А закончится оно скоро. С Сэмом так всегда... Потом он ко мне возвращается.

Соланж улыбнулась такой улыбкой, за которую Артур многое бы отдал, если бы она предназначалась ему.

– Ты очень разумная женщина, Соланж, в отличие от большинства американок. В этой стране жены сходят с ума, если подозревают мужа в связях на стороне. Они нанимают сыщиков, подают на развод, грызутся за каждую сколько-нибудь ценную вещь...

Соланж лишь улыбнулась на это своей легкой, мудрой улыбкой, которая как-то не вязалась с ее юной внешностью.

– Мне не нужны вещи, Артур. Мне нужен только мой муж.

Было очевидно, что она его боготворит. Артур в очередной раз позавидовал своему другу. Он всегда задавал себе вопрос: что бы случилось, если бы тогда, в Париже, он осмелился заговорить с Соланж в тот день, на рю д'Арколь?.. Что, если?.. Этот глупый, лишенный смысла вопрос не даст ему покоя всю жизнь. «Везет же паршивцу, – думал о друге Артур. – Он сам не понимает, как ему везет!»

– Я полагаю, что он опять успокоится, – вздохнула Соланж и допила вино. – Теперь каждая его новая партнерша – это маленькая проблема, но, в конце концов, он устает от них. Ему нелегко, он всего себя отдает спектаклю... У актера тяжелая жизнь. Театр требует напряжения всех сил.

Соланж, похоже, действительно верила в то, что говорит. Однако Артур покачал головой:

– Нет, это не совсем так. Просто Сэм избалован. Избалован успехом, женщинами... и тобой, Соланж. По-моему, он для тебя чуть ли не бог, честное слово.

– Он... для меня... Он для меня все.

Она устремила на Артура взгляд своих выразительных глаз. Ее слова задели его за живое.

– Ну, тогда сиди и жди, пока он вернется. Он просто играет, Соланж. Пока ты относишься к этому с пониманием, это не так уж серьезно.

Соланж кивнула. Это был хороший совет. Она всегда была готова потерпеть, была готова скорее погибнуть, чем потерять его.

В результате очередной роман Сэма затянулся на целых шесть месяцев и закончился попыткой самоубийства его партнерши, после чего она оставила роль «по состоянию здоровья», и жизнь Сэма вошла в норму.

Соланж почувствовала большое облегчение. Угроза миновала, хотя и оставила неприятный осадок. Шел уже 1954 год, Сэм играл в спектакле еще целый сезон, вернувшись, как и прежде бывало, к жене и детям. Ни одна пьеса из тех, в которых он играл, не шла так долго, и когда ее сняли, и Сэму и Соланж было грустно.

На лето они с дочерьми отправились в Европу, в Сан-Тропе. Сэм давно об этом мечтал. Он там был во время войны – правда, всего один день – и всегда хотел еще раз побывать на этом курорте.

Артуру они послали открытку из Сан-Тропе, а потом еще одну, из Канн, затем совершили экскурсию в Париж, и Соланж показала дочерям, где жила, будучи ребенком. Для Соланж это было сентиментальное путешествие в прошлое – спустя девять лет после переезда в Америку ее посетили как печальные, так и радостные воспоминания.

Хилари исполнилось пять лет, и Соланж надеялась, что поездка доставит ей удовольствие, Александра же еще была слишком маленькой, чтобы понять, куда отправляется. Для помощи с детьми в путешествие специально взяли няню.

Это было несравнимо с тем, как Соланж покидала Францию в 1945-м: с билетом третьего класса и суммой денег, которой едва хватило на еду. Тогда у нее было три платья, две пары туфель, шляпка и поношенное пальтишко, доставшееся от матери. Теперь же чемоданы были битком набиты дорогой одеждой. Приплыли они во Францию первым классом, на лайнере «Либерте», в Париже остановились в отеле «Ритц». Сэм повел жену за покупками в магазины «Живанши», «Шанель» и «Диор», у «Картье» выбрал ей в подарок изящный браслет с бриллиантами.

– Но он мне не нужен, Сэм! – смеясь, протестовала Соланж, когда он надевал браслет ей на руку.

Сэм опять был сердечным и баловал супругу так, словно хотел заново покорить ее.

За последние годы он завел некоторые дорогостоящие привычки, и это беспокоило Соланж. Она, как и Артур, уговаривала его начать откладывать деньги на детей.

– Нет, Соланж, такой женщины, которой был бы не нужен бриллиантовый браслет, – возразил Сэм.

– Но у меня их уже три! – Она с улыбкой отдернула руку и покачала головой: – Non, cheri! Je ne le veux pas!²⁷ Не стоит так разбрасываться деньгами.

Сэм взглянул на нее с легким раздражением.

– Ты говоришь, как Артур.

– Но он прав. Нам пора задуматься о будущем девочек.

– Хорошо. – Сэм указал продавщице на другой браслет, лежавший на черной бархатной витрине. – Мы возьмем оба.

– Ah, non, Sam! Quand même voyons!²⁸

Вернувшись в Париж, Соланж опять перешла на французский, ее радовало, что и Хилари свободно общается на этом языке. С девочками она говорила только по-французски, поэтому старшая дочь совершенно свободно владела двумя языками. Александра пока только что-то лопотала на своем, одной ей понятном языке.

Соланж не забывала свою родину, и ей было приятно снова посетить Францию. Многие места будили воспоминания, согревая душу. Когда они вечером гуляли по Вандомской площади, на которой стоит статуя Наполеона, сердце Соланж переполняло такой восторг, которого она не испытывала с того самого момента, как покинула Париж.

В первый вечер они ужинали «У Максима», а на другой день – в «Тур д'Аржан». Перед отъездом из Парижа Сэм в придачу к бриллиантовым браслетам подарил жене еще и кольцо. Соланж пыталась возражать, но знала, что это бесполезно.

Когда они плыли обратно в Штаты, она думала, каким приятным получилось это путешествие. Хорошо было повидать родину и хорошо было вернуться домой. Ее домом теперь был Нью-Йорк, где она прожила девять лет и к которому успела привязаться. Их новая квартира с прекрасным видом на реку располагалась на Саттон-плейс. По соседству была квартира Мэрилин Монро, которая знала Сэма по артистическому кругу. Соланж иногда видела их вместе, но ей и в голову не приходило ревновать мужа к этой женщине. Ей Мэрилин очень нравилась. Когда та твердила, что ей самой следует играть в кино, Соланж только смеялась в ответ.

– Хватит и одной звезды в семье! – всегда говорила она с милым французским акцентом.

Осенью Сэму предложили роль в новой пьесе, но он от нее отказался: счел недостаточно интересной для себя, – а потом, неожиданно для всех, согласился сняться в кино. Они отпра-

---

²⁷ Нет, милый! Я не хочу этого! (фр.)

²⁸ Ох, нет, Сэм! Давай еще подумаем! (фр.)

вились в Голливуд, показавшийся Соланж совершенно удивительным местом, заполненным странными людьми, которые не ощущают разницы между реальной жизнью и фантазией. Поселились они в бунгало отеля «Бeverли-Хиллз», девочки с няней жили по соседству с родителями.

Целый год их существование было совершенно оторванным от действительности. Соланж фильм, в котором снялся муж, понравился, но сам Сэм не был удовлетворен результатом работы. Они вернулись в Нью-Йорк, и в январе 1956 года Сэм приступил к репетициям новой пьесы – опять с головой ушел в работу, а через два месяца завел роман со своей партнершей – исполнительницей главной женской роли.

На этот раз Соланж была по-настоящему рассержена. Она регулярно виделась с Артуром и чаще, чем бы того хотела, выплакивалась на его плече.

Артуру самому было несладко – он испытывал жуткое одиночество. Марджори постоянно где-то пропадала по делам, а его мать умерла, пока Уокеры находились в Калифорнии. Соланж тоже сильно страдала. Сэм все отрицал, но ей было еще больнее от его ласк. Он делал ей дорогие подарки и, когда чувствовал угрызения совести, был особенно ласков с дочерьми.

– Почему? Почему ты мне такое устраиваешь? – спросила она однажды утром за завтраком, указывая на колонку сплетен в газете.

– Ты опять начинаешь фантазировать, Соланж. Ты так делаешь каждый раз, когда я начинаю работать над очередным спектаклем.

– Да ну тебя... – Она швырнула газету в корзину для мусора. – Все потому, что ты спишь со своими партнершами каждый раз, когда начинаешь работать над очередным спектаклем. Это что – тоже часть твоей работы? А не мог бы тебя в этом выручить кто-нибудь другой? Например, твой дублер? Пусть это будет его обязанностью!

Сэм рассмеялся, привлек ее к себе, посадил на колени и уткнулся носом в копну роскошных рыжих волос, которые так ему нравились:

– Глупышка, я же тебя люблю.

– Не надо называть меня глупышкой. Я вас раскусила, мистер Уокер. Вам больше не удастся водить меня за нос. Никогда!

Она погрозила ему пальцем, но вообще-то Соланж ему всегда прощала. Сэм иногда напивался и, приходя домой в таком состоянии, порой бывал груб и даже жесток. Однако Соланж не в состоянии была долго сердиться на него, потому что слишком сильно его любила. Слишком сильно и слишком бескорыстно, как говорил Артур, и, может быть, он был прав. Единственное, что Соланж хотела бы изменить в муже, – это увлечение женщинами. С остальным она вполне могла мириться.

Весной Соланж снова забеременела; ребенок родился сразу после Рождества, когда Сэм находился в Калифорнии. Это опять была девочка, которую назвали Меган. Сопровождал Соланж в больницу и в этот раз Артур.

Только через два дня после рождения дочери ей удалось разыскать супруга. Благодаря многочисленным слухам она знала, чем тот занимается в Голливуде. Чаша ее терпения переполнилась, о чем она и заявила Сэму после того, как он возвратился в Нью-Йорк. Соланж даже пригрозила разводом, хотя она очень хотела сохранить семью.

– Ты позоришь меня перед всем миром... делаешь из меня дуру и хочешь, чтобы я сидела и молчала. Я требую развода, Сэм.

– Ты с ума сошла! Это все плод твоей фантазии. С кем ты опять говорила? С Артуром?

Сэм старался не подавать виду, но на самом деле расстроился.

– Артур тут ни при чем. Достаточно почитать газеты. О тебе пишут все, кому не лень. Что ни год, что ни месяц, что ни фильм, что ни спектакль – то новая актриса, новая театральная партнерша, новая женщина. Все это продолжается слишком долго. Ты все развлекаешься и настолько занят самим собой, что считаешь свое поведение нормальным, считаешь,

что можешь это себе позволить. Что ж, о'кей, но я, наверное, тоже могу себе кое-что позволить – например, иметь мужа, который меня любит и сохраняет мне верность.

– А ты?..

Сэм решил, что лучшая защита – это нападение, и заговорил об Артуре, хотя прекрасно знал, что упрекнуть ни жену, ни друга ему не в чем.

– Как насчет твоих частых ленчей с Артуром?

– Мне больше не с кем говорить. Он по крайней мере не станет потом звонить журналистам и пересказывать им мои слова.

Сэм знал, что она права, и возразить ему было нечего.

– По крайней мере я могу выплакаться у него на плече.

– В то время как он сам льет тебе слезы в суп. Вы самая трогательная пара, о которой я когда-либо слышал. Запомни, Соланж, развод я тебе не дам. Точка. И больше об этом даже не заговаривай.

– Что ж, обойдемся без разговоров...

Соланж впервые решилась на открытую угрозу.

– Вот как?

В голосе Сэма зазвучала нотка удивления, которую он тщательно маскировал, но Соланж ее заметила.

– Достаточно организовать за тобой слежку. Я могла бы уже пятьдесят раз с тобой развестись за это время, уличив в измене.

Он больше ничего не сказал и вышел, хлопнув дверью, а на следующий день опять улетел в Калифорнию. Из-за этого репетиции спектакля были отложены на месяц, но Сэм Уокер стал звездой такой величины, что подобные выходки сходили ему с рук.

Когда он вернулся, Соланж продолжала злиться. Она знала, кого Сэм взял с собой на Западное побережье, и уже была сыта его любовными похождениями по горло.

Сэм приехал из аэропорта поздно ночью. Соланж ждала его. Между ними произошла столь бурная ссора, что даже проснулась Хилари. Комната Александры находилась дальше от родительской, а Меган тогда было только восемь месяцев – она безмятежно спала в своей кроватке. Но Хилари исполнилось восемь лет, и она запомнила все. Скорую помощь, полицию... вой сирены... неподвижную маму, которую накрыли простыней и унесли на носилках. Запомнила, что говорили вокруг, как плакал отец, когда его уводили. Он даже не заметил, что она стоит в дверях и смотрит. Потом няня позвонила дяде Артуру.

Он приехал очень скоро. Лицо у него застыло, он никак не мог поверить в то, что ему рассказали. Наверное, произошла какая-то ошибка... наверняка... Это невозможно. Он знал, что у них периодически возникали проблемы, но Сэм боготворил жену, и она любила его. Эта любовь зачастую выходила за пределы здравого смысла: это было чувство, которое оставляло след на всех, кто с ними общался... любовь, которая...

Артур просто не мог понять, как такое несчастье могло случиться. Он просидел у них в квартире до самого рассвета.

Утром в дверь негромко постучал швейцар, который принес свежую газету. Артур дрожащей рукой взял ее. Там было все написано... все...

Конец мечты... конец жизни... Сэм убил ее.

Часть II. Хилари

Глава 5

Тяжелая дверь камеры с лязгом захлопнулась за Артуром, когда он пришел навестить своего друга. Сэм находился в 17-м отделении на Пятьдесят первой улице, и лишь во второй половине дня Артуру было разрешено свидание.

До того, в течение многих часов, Сэма беспрерывно допрашивали, хотя в этом не было особой необходимости. Он во всем признался, рыдал, глядел в одну точку остекленевшими глазами...

Он помнил каждую минуту той первой встречи в Париже, не понимал, почему это сделал... Помнил, что был пьян... что разозлился в ответ на ее угрозу уйти от него, но все равно не мог понять, почему так поступил. Ему просто не хотелось ее потерять, и еще она сказала... она сказала...

Сэм в отчаянии уставился на Артура, когда того впустили. Казалось, он смотрит сквозь него.

– Сэм...

Голос у Артура был хриплым. Он проплакал все утро. Прикосновение его руки было похоже на попытку отвести друга от края пропасти. Сэм выглядел таким потерянным, что в сердце Артура шевельнулось сострадание. Сэм стоял посреди камеры, на том же месте, где его оставили охранники, и смотрел на Артура, но словно бы не видел его.

– Я убил ее, Артур... Я убил ее...

Казалось, у него перед глазами не лицо Артура, а все еще лицо Соланж в тот момент, когда он душил ее... рыжие волосы, которые он так любил... Почему?.. Почему он это сделал? Почему она говорила все эти ужасные вещи? Он невидящим взором глядел на друга, и слезы текли по его лицу.

– Присядь, Сэм... успокойся.

Артур мягко усадил его на один из простых стульев, стоявших по разные стороны узкого исцарапанного стола.

– Нам надо поговорить...

Сэм как будто не слышал, но поговорить все равно было надо.

– Ты можешь рассказать подробно о том, что произошло?

Сэм лишь тупо смотрел на него. Все было слишком просто.

– Я убил ее.

– Я это знаю, Сэм. Но что произошло до того? Она тебя как-то спровоцировала?..

Артур хотел найти ему хорошего адвоката, но прежде должен был выяснить, за что можно зацепиться защитнику.

– Может, Соланж тебя ударила?

Сэм покачал головой, глаза у него были пустые и отсутствующие.

– Она говорила много плохого... очень сердилась.

Артур догадывался о причине их ссоры, но все равно решил уточнить:

– Почему она была рассержена?

Сэм уставился в пол, вспоминая охватившее Соланж бешенство. Он никогда не видел ее такой, знал, что сам подал к этому повод, и ни в коем случае не хотел ее потерять. Но все равно потерял... Единственную женщину, которую любил...

Он в отчаянии поднял глаза на Артура:

– Она знала, что у меня опять был роман... но он ничего не значил... как и все прежние...

– Для тебя, Сэм, но не для Соланж, – тихо произнес Артур и напомнил себе, что теперь защищает Сэма, а не его жену.

Сэм в ответ только странно на него посмотрел и надолго замолк.

– Она грозила тебе разводом?

Сэм кивнул, а потом решил выяснить все до конца. Он должен был задать этот вопрос, должен был знать. Ведь это одна из причин, почему он убил Соланж, помимо того, что был пьян и потерял контроль над собой, снова услышав из уст жены слова о разводе.

– Соланж сказала, что у тебя с ней был роман. Это правда?

Сэм пронзил взглядом друга. Артур печально посмотрел на него:

– А ты сам как думаешь?

– Да я как-то раньше и не думал... Я знаю, что у вас были доверительные отношения... вы часто вместе обедали...

– Но разве она это от тебя скрывала?

Как все хорошие юристы, Артур, задавая вопрос, знал на него ответ.

– Нет... Она всегда мне говорила... во всяком случае, я так думаю.

– А тебе не пришло в голову, что Соланж так сказала, чтобы отомстить тебе за всю боль, которую ты ей причинил? Как еще она могла это сделать?

Теперь Сэм это понимал. Но накануне ночью, в приступе гнева, он ей поверил... пришел в ярость и убил ее. К его горлу подступил комок, словно рука тянулась откуда-то изнутри и душила его самого. Сэм знал, что заслужил это, что заслужил смерть за содеянное. Он снова расплакался, и Артур обнял его за плечи.

– Что теперь будет с девочками?

Сэм в панике посмотрел на Артура.

Артур думал об этом все утро.

– Я думаю, у тебя достаточно денег, чтобы обеспечить их, пока ты будешь в тюрьме. Дома остались няня и горничная, они присмотрят за дочерьми.

Сэм, бледный как полотно, спросил:

– А сколько моя защита будет стоить?

Соланж уже не вернуть... Артур снова и снова боролся с собственными чувствами. Как мог Сэм совершить такое злодеяние?

Но все же Сэм был его другом и даже более того, почти братом. Они плечом к плечу прошагали всю войну, Сэм тащил его на себе по горам, выносил раненого с поля боя под Кассино. Они освобождали Рим и Париж. Париж... Рю д'Арколь, где они впервые ее увидели. Все было очень тесно переплетено. А теперь речь шла не только о Сэме и Соланж, надо было подумать об их дочерях – Хилари, Александре и Меган.

Однако Артур заставил себя вернуться к проблемам и ответить на его вопрос:

– Все зависит от того, кого из адвокатов ты наймешь. Я подумаю, кого тебе рекомендовать, но следовало бы кого-нибудь из лучших. Процесс предстоит громкий, а симпатии будут на стороне Соланж. Газеты в последние годы много писали о твоих любовных похождениях, Сэм, и это тебе сильно повредит.

Сэм замотал головой.

– Я не хочу никаких адвокатов. Я хочу, чтобы ты меня защищал.

Он взглянул на Артура. Тот содрогнулся, представив себе такую перспективу.

– Я не могу.

Голос Артура отозвался эхом в стенах камеры.

– Почему?

– Потому что я твой друг. И не занимаюсь уголовными делами.

– Это ничего. Ты лучший. Я больше никого не хочу, только тебя.

Глаза Сэма наполнились слезами: все это было так ужасно, просто невероятно, – и все-таки это была явь. Он сам сделал кошмар явью.

На лбу Артура выступила испарина. Сэм был убийцей женщины, которую Артур боготворил, и после этого быть его защитником? Нет, он не мог.

– Я не думаю, что мог бы за это взяться, Сэм. У меня нет опыта в этой области. Тебе нужен хороший специалист, самый лучший. Не стоит...

Артур готов был расплакаться, но Сэм умоляюще смотрел на него и не отступал:

– Ну пожалуйста. Ради меня, ради девочек... ради Соланж... Пожалуйста...

Ради Соланж? Господи, но он же убил ее. Однако Артур понимал, что Соланж хотела бы, чтобы он выполнил все пожелания Сэма. Он лучше, чем кто-либо другой, знал, как безумно она любила мужа.

– Нам обоим надо все обдумать, но я убежден, что это было бы ужасной ошибкой. Тебе нужен лучший адвокат по уголовным делам, а не друг, преисполненный к тебе сочувствия. Я не могу! Понимаешь, просто не могу!..

Сэм впервые видел у Артура столь эмоциональную реакцию, но по-прежнему хотел, чтобы тот его защищал.

– Но сейчас, Сэм, важнее судьба девочек. Хочешь ли ты, чтобы я кому-нибудь позвонил?

Сэм подумал и покачал головой. У них были сотни знакомых в театральном мире, но ни с кем их не связывали столь близкие отношения, как с Артуром. У Соланж не было близких друзей. Она полностью посвятила себя детям, мужу и его карьере. У нее никогда не было времени, да и желания общаться с кем-либо другим.

– Слушай, у тебя вообще есть родня?

Артур понимал, что, проведя с другом несколько лет на войне, должен был бы это знать, но в тот момент никак не мог вспомнить. Он знал, что родители Сэма погибли, но сомневался, был ли у него еще кто-нибудь: может быть, какие-то дальние родственники, которые могли бы принять участие в судьбе девочек.

Но Сэм только покачал головой:

– Никого, на кого можно было бы рассчитывать в этом деле. У меня в Бостоне сестра, но, бога ради, не звони ей.

– Почему?

– Я не виделся с ней целую вечность. Она настоящая бродяжка. Забудь про нее.

Но Артур не мог теперь пренебрегать такой информацией. Может, тетя как раз и понадобится девочкам?

– А как ее зовут? Просто на всякий случай. В таких ситуациях не знаешь, что может пригодиться...

– Эйлен. Эйлен Джоунс. Муж у нее отставной моряк, его зовут Джек. Они живут в Чарлстауне. Но поверь мне, они бы тебе не понравились.

Сэм встал, прошелся по камере и глянул в зарешеченное окно.

– Я же не собираюсь приглашать их на уикенд, в конце концов, но в данной ситуации пренебрегать родственниками не стоит.

У Сэма было три дочери. Две из них – практически еще малышки, и некому было ими заняться, кроме няни, горничной... и Артура.

Сэм снова повернулся к другу:

– А я могу увидеть девочек?

На глазах у него выступили слезы. Его маленькие ангелочки... его малютки... Как он мог оставить их сиротами? Лишил их мамы, с которой им было бы обеспечено счастливое детство, идеальная жизнь, мамы, которая их обожала, которая всегда была с ними. Это она их всегда целовала, обнимала, купала, укладывала спать, играла, читала им книжки, а теперь...

Одна мысль об их будущем вызывала у него содрогание. Сэм задавал себе вопрос, сможет ли позаботиться о них, когда выйдет на свободу. Но раздумывать об этом не имело смысла. Как бы там ни было, это его долг, ведь, кроме него, у них никого не осталось на свете.

Артур посмотрел на него с удивлением:

– Ты действительно хочешь их повидать здесь?

– Нет. Наверное, нет... – Сэм говорил едва слышным шепотом. – Я просто думал... Я хотел попробовать объяснить... Хотя бы Хилари...

– Ты сможешь это сделать и потом. Прежде всего надо вытащить тебя отсюда.

– Думаешь, тебе это удастся?

Сэм впервые об этом спросил. Артур не хотел внушать другу ложных надежд.

– Я думаю, у кого-нибудь другого это получилось бы лучше, чем у меня.

– Неважно. Я уже сказал тебе, Артур. Я хочу, чтобы меня защищал только ты.

– Думаю, что это будет нелегко... для любого адвоката... Честно тебе говорю, Сэм.

Артур понимал, что все-таки должен сказать ему правду.

– Тебе придется ссылаться на умопомрачение... состояние аффекта... Ты во всем признался, вопрос ясен, да и за последние пару лет ты заработал себе соответствующую репутацию.

Пришло время признать горькую правду. Артур давно хотел указать Сэму на то, как чертовски глупо тот поступает. Он ненавидел Сэма за боль, причиняемую им Соланж, но, с другой стороны, они были друзьями, к тому же успех пришел к Сэму так стремительно и был таким бурным, что он, вероятно, просто не сумел с ним совладать. Сэм стал звездой, когда ему еще не было и тридцати. Ему пришлось оправдывать ожидания почитателей, а кроме того, быть мужем и отцом.

Он заплатил за это высокую цену... но Соланж неизмеримо большую. Многих переживаний и проблем Соланж Сэм просто не замечал, потому что был слишком занят собой и своей карьерой и в последние годы стал эгоцентричным и избалованным.

Даже его дочери это замечали. Александра недавно сказала Артуру:

– Когда папа дома, мы должны о нем заботиться, а то он очень сердится. Нашему папе нужно внимание.

Соланж постоянно им это говорила, объясняя, что не надо досаждать папе, когда он устал, что лучше угостить его чем-нибудь: шоколадкой, фруктами – или спеть ему только что выученную с мамой песенку. Все домашние привыкли во всем потакать папуле.

А теперь девочки потеряли и мать, и отца. Артур думал об этом всю дорогу, пока ехал к себе в офис. Он по собственной инициативе решил позвонить крестным и выяснить, не проявят ли они интерес к судьбе детей.

Но крестными в основном были известные актеры, выбранные из-за громких имен, и никто из них не выказал участия к детям. Их гораздо больше интересовало, почему Сэм это сделал: сошел ли с ума, спровоцировала ли его Соланж, когда будет процесс... но никто не спросил, что теперь будет с детьми.

В итоге Артур понял, что рассчитывать на них не приходится. Он решил иметь в виду сестру Сэма, но пока, учитывая его пожелание, не стал ей звонить.

Затем Артур занялся проверкой банковских счетов Сэма, чтобы сориентироваться в его делах. Их состояние привело его в ужас. Сэм тратил все, что зарабатывал, главным образом на шикарную жизнь и любовниц. Он взял крупную ссуду в счет будущего гонорара за очередной спектакль, но это не решало проблемы его долгов. Денег едва хватило бы на зарплату няне и горничной в ближайшие несколько месяцев до окончания процесса.

Дети оказались в критической ситуации, а Артур вспомнил, что Соланж не один раз об этом заговаривала с мужем. Она всегда хотела, чтобы Сэм думал о девочках и откладывал деньги на их образование. Но вместо этого он покупал ей драгоценности и шубы, а сколько тратил на других женщин – одному Богу известно. Сэм слыл щедрым человеком и никогда не

скупился, если был при деньгах. Но теперь в итоге у него осталось десять тысяч долларов в банке и сто тысяч долга.

К сожалению, часто оказывается, что о друзьях знаешь слишком мало. Артур сожалел, что в свое время не поговорил с Сэмом более сурово по поводу его денежных дел. Он никогда не предполагал, что Сэм настолько безответствен. Сейчас эта беспечность поставила его детей на грань катастрофы.

Артур попытался поговорить с Марджори, сокрушаясь о судьбе бедных детей, в надежде вызвать в ней сочувствие. Но, к его большому разочарованию, Марджори отнеслась к несчастью в семье Сэма с холодным любопытством, в основном интересуясь подробностями убийства. Она была лишена сострадания.

На протяжении следующих нескольких дней Артур редко виделся с женой: был целиком занят судьбой Сэма и девочек, отбивался от настырных репортеров, не дававших покоя даже детям, и готовил похороны Соланж – больше было некому.

Похороны были назначены на третий день после трагического происшествия. Два дня гроб был выставлен для прощания, а затем состоялась заупокойная служба. Артур удивился, что пришло столько людей: многие прибыли не только из уважения к Сэму, но и потому, что знали и любили покойную.

– Она была очаровательна... изумительно красива... Сэм не ведал своего счастья... Ей следовало тоже быть актрисой... фотомodelью... Какой великолепной матерью она была... Иметь такую жену – большое везение... Настоящая француженка... Потрясающая женщина... Непонятно, почему он это сделал... Она безумно его любила...

Подобные фразы все звучали и звучали. Артур сидел в первом ряду с девочками и их няней, пытаясь сдержать слезы. Хилари, притихшая и напряженная, сидела рядом с ним. Один раз она подошла к гробу, посмотрела на мать, поцеловала ее и вернулась на свое место, словно парализованная горем и болью утраты, но Артуру прикоснуться к ней не позволила и вообще никого к себе не подпускала. Она только крепко держала за ручку Александру, которая все спрашивала, почему мамуля спит в ящике, покрытом белыми розами. Артур сам заплатил за все цветы: не хотел трогать деньги Уокеров, хотя речь и шла о похоронах матери девочек.

Александра считала, что Соланж очень похожа на Белоснежку, съевшую отравленное яблоко. Она спрашивала у сестры, когда мама проснется и придет ли папуля поцеловать ее.

– Нет, она так и дальше будет спать, Акси, – шепнула Хилари. В этот момент органист заиграл «Аве, Мария».

– Почему?

– Потому. Помолчи немного, – приструнила Хилари сестренку, крепче сжала ее ладошку и побледнела словно полотно, наблюдая, как мимо проносят гроб с телом матери.

Хилари в молчании стояла, а потом вдруг протянула руку, вытащила две белые розы из огромного венка, покрывавшего крышку гроба, и дала одну Александре. Та заплакала и прошептала, что хочет, чтобы мамуля проснулась, потому что в закрытом ящике нельзя дышать. Казалось, она знает, что ее мама умерла, но не хочет принимать этого к сведению. Даже маленькая Меган разревелась, и няне пришлось вынести ее на улицу.

Стояла солнечная зимняя погода. Казалось, даже природа отдает дань Соланж, провожая ее. Все, что было связано с Соланж, всегда было наполнено светом, цветами и солнцем: огнем пылали ее рыжие волосы, ярко сияли зеленые глаза, теплом дышала мягкая улыбка.

Артур на лимузине отвез детей домой и поехал на кладбище, чтобы проследить за дальнейшей церемонией. Потом он заехал на Рикерс-Айленд навестить Сэма. Он привез ему белую розу, такую же, как Хилари взяла себе и Акси.

Когда Артур входил в камеру – высокий, худой, бледный, в черном костюме, со шляпой в руке, – то был похож на посланника смерти; отчасти он им и был. Сэм посмотрел на друга и содрогнулся.

– Я подумал, что ты захочешь это иметь.

Он протянул розу, и Сэм дрожащими пальцами взял ее.

– Как девочки?

– Неплохо. Хилари опекает сестер. Она как бы взяла на себя роль матери.

Сэм опустил на стул и обхватил голову руками, не выпуская цветка, пахнувшего смертью, печалью и похоронами. Для Сэма больше не существовало радости любви к Соланж, не существовало радости жизни. Он чувствовал, что всему пришел конец.

Это действительно было так. Сэм, лежа в своей камере, днем и ночью думал только о Соланж. Даже дочери казались ему теперь очень далекими. Он задавал себе вопрос: насколько сильно они будут его ненавидеть впоследствии, когда поймут, что он убил их мать? Это сделало бы невозможным какое-либо общение с ними.

Все теперь было окрашено в черный цвет. И жизнь потеряла смысл. Сэм уже говорил это Артуру, считавшему, что прежде всего в данный момент надо думать о девочках. «Но что я могу им дать? – размышлял Сэм. – Свои долги? Свою вину? Свои дурные привычки? Свое беспредельное раскаяние?...» Он был уверен, что дочери никогда не найдут ему оправдания.

– Я думал о твоих детях, Сэм.

Артур откашлялся и, молясь в душе, чтобы у друга не возникло возражений, продолжил:

– Я хотел бы продать все украшения Соланж, чтобы собрать хоть какие-то деньги для девочек, да и тебе потребуется немало на гонорары адвокату, если мне удастся уговорить тебя взять хорошего защитника. Что касается меня, то сам я от тебя ничего не возьму. Нужно будет только компенсировать фирме мое отсутствие.

Артур был далек от мысли заработать на защите Сэма и по-прежнему не имел желания брать на себя роль его адвоката. Сэм убил единственную женщину, которую он когда-либо любил – пожалуй, даже боготворил, – и, какими бы ни были тесными узы их дружбы, Артур не считал возможным защищать его. Однако Сэм и слышать не хотел никаких доводов на этот счет.

– Ты согласен?

Сэм повернул к нему бледное небритое лицо:

– Я не возражаю. Если это поможет девочкам, продавай. Тебе нужны ключи от нашего сейфа в банке?

– Я уже их нашел. Соланж все содержала в исключительном порядке.

Сэм лишь кивнул, не в силах ответить. Там не могло не быть порядка – ведь она была необыкновенной женщиной. Но теперь это не имело значения... она покинула их... в том ящике, который на глазах Артура всего пару часов назад опустили в землю. Воспоминание об этом не покидало Артура и создавало вокруг него атмосферу печали, которую Сэм явственно ощущал.

– На этой неделе я этим займусь.

Артур хотел располагать возможно большей суммой для защиты Сэма и помощи девочкам.

Процесс был назначен на июнь, до этого времени дочерям Сэма надо было обеспечить содержание. Кроме того, немалых денег потребовало бы психиатрическое обследование Сэма для подтверждения его невменяемости в момент совершения преступления. Только в этом Артур видел возможную зацепку для защиты.

Полгода казались громадным сроком. Няня вела себя с детьми не слишком ласково. Соланж никогда не была разборчива с нянями, потому что все время проводила дома и сама заботилась о дочерях.

Особенно грустными стали для малышей рождественские праздники. В отсутствие обоих родителей они их встречали, по существу, как сиротки.

Артур на Рождество взял Александру и Хилари в ресторан на ленч, но это было скорее удручающее, чем радостное, событие. Александра тоже это почувствовала. Она с серьезным видом смотрела то на Артура, то на сестру, наконец с огорченным и смущенным видом спросила:

– Почему ты злишься на дядю Артура?

– Я не злюсь.

Хилари подняла глаза от тарелки и взглянула на младшую сестренку.

– Злишься. Ты отдернула руку, когда он хотел до тебя дотронуться.

– Ешь индейку, Акси, и не говори глупостей.

Хилари, казалось, не слышала музыки, которую в зимнем саду отеля «Плаза» играли скрипачи. Она была погружена в собственные мысли, и Артур жалел, что Марджори не составила им компанию, отдав предпочтение обеду в «Колони клабе» с коллегой-юристкой. Он умолял ее пойти вместе, но Марджори решительно отказалась:

– Меня не интересуют эти дети, и тебе тоже не следовало бы водить их в ресторан. Ты им не родня, пусть привыкают к той ситуации, в которой оказались.

– В таком возрасте? Ведь им восемь и пять лет. Сейчас все-таки Рождество. Хотя это мы можем для них сделать...

– Я не хочу об этом слышать. Если тебе нравится, разыгрывай из себя благодетеля, но меня в это не впутывай.

После этого разговора Артуру пришлось одному вести на праздничный обед Хилари и Александру.

Непримиримость Марджори к девочкам была продолжением ее неприязни к семье Уокер вообще и неодобрительного отношения к частым совместным обедам мужа и Соланж в частности. Она не то чтобы ревновала, ей просто не нравилось французское изящество супруги Сэма и то, что сам он актер, хотя и популярный.

Сэм в рождественские праздники не виделся с девочками. Ему не разрешили им позвонить, хотя он и так не стал бы: был слишком подавлен, чтобы думать о чем-то другом, кроме Соланж и последствий своего преступления.

Артур пытался показать другу фотографии дочерей, но тот на них не реагировал – все время говорил только о Соланж и о прошлом, без конца вспоминая свои грехи, ошибки и проступки. Он напоминал старика, чья жизнь уже позади.

Старания Артура привлечь его внимание к проблеме защиты на предстоящем процессе были безуспешны. Сэма это, похоже, не волновало: он часто говорил, что заслуживает самого сурового наказания. Артура такие разговоры отнюдь не вдохновляли.

Так или иначе, зима близилась к концу. Хилари оказалась взрослой не по годам и опекала младших сестер. Правда, в ее взгляде появилось постоянное выражение боли и печали, которое так пугало Артура. Она не искала у него утешения и с тех пор, как погибла ее мать, не шла с ним на более тесный контакт. Артур напоминал, что он ее крестный и очень любит ее, Хилари же вежливо слушала и ничего не отвечала.

Потеряв мать, она стала какой-то не по-детски сдержанной, отстраненной, а об отце говорила так, словно он больше для нее не существовал, словно давным-давно умер. Больно было сознавать, что из-за трагедии она так рано повзрослела.

Артур старался водить их обедать в рестораны так часто, как только мог. Его начинал очень беспокоить денежный вопрос: плата за услуги горничной и няни, за школу, питание и квартиру. Малышка Меган несколько раз болела – надо было заплатить врачу, да и расходы на одежду и обувь для всех троих оказались немаленькими.

Большая часть денег, вырученных от продажи украшений Соланж, ушла на защиту Сэма, а остального едва хватало на прочие расходы. Скромные резервы быстро таяли. Порой Артуру

казалось, что Хилари об этом догадывается. Она заставляла всех экономить и даже научилась чинить свою одежду и вещи сестренки. Меган стала относиться к Хилари как к своей маме.

К началу судебного процесса Сэм потерял в весе тридцать фунтов. Было закончено психиатрическое обследование. Доктора констатировали у него глубокую депрессию. Они склонялись к заключению, что Сэм в момент убийства жены действовал в состоянии аффекта и, возможно, не отдавал себе отчета в происходящем, хотя в общем сочли его психически нормальным и интеллектуально развитым человеком. Единственной проблемой была его вполне понятная депрессия.

Артур с ним общался с трудом: Сэм, по сути, никак не помогал готовить защиту. Его словно не интересовали все усилия Артура, который ночи напролет готовился к процессу, изучал аналогичные случаи и отчаянно искал новые, нетрадиционные подходы.

Сам процесс был кошмаром. Прокурор действовал напористо и уверенно. Он разыскал всех шлюх и актрисул, с которыми Сэм когда-либо спал. Через зал суда прошла вереница женщин, которые дружно подтверждали тот факт, что он слишком много пил, в пьяном виде бывал груб и вообще был человеком безнравственным.

С портретом Соланж, который обрисовал обвинитель, Артур не мог не согласиться. Ее характеризовали как женщину умную, полную очарования, боготворившую мужа, готовую сделать все ради его карьеры и счастья. При этом она великолепно заботилась об их трех дочерях и держалась подальше от склок, в которые впутывались большинство жен известных актеров. Было подчеркнуто, что следствие не установило ни одного случая измены Соланж своему мужу. По мнению свидетелей, она была ему беззаветно, до фанатизма предана.

Обвинение четко показало, что у Сэма не было ни малейшей причины убивать ее, то есть не могло быть и речи о преступлении в состоянии аффекта или временного затмения рассудка, спровоцированного самой жертвой. Обвинитель даже просил суд квалифицировать это убийство как преступление первой категории, то есть как умышленное, совершенное с целью освободиться от жены и без помех вести далее распутный образ жизни. Артур же доказывал, что все произошло по неудачному стечению обстоятельств.

В конце концов, после более чем трехнедельного процесса и просоветовавшись без малого целый день, суд присяжных признал Сэма виновным в убийстве. Артур чувствовал себя так, будто стены падают ему на голову. У Сэма, когда его выводили из зала, глаза были стеклянные и отсутствующие. Он явно был в шоке, депрессивное состояние за время процесса, несомненно, усилилось. На вопросы судей Сэм отвечал совершенно бесстрастно, и не верилось, что он в самом деле любил свою жену. Чувство подавленности и вины лишило его способности выражать эмоции. Артур боялся, что это произведет крайне неблагоприятное впечатление на присяжных.

Сразу же после оглашения вердикта Артур попросил дать ему возможность увидеться с клиентом прямо в здании суда, в специальном помещении для подсудимых, но Сэм отказался от этого свидания. Навестить его в тюремной камере Артуру не разрешили.

Он покидал суд в полном отчаянии. Он ведь предупреждал Сэма, умолял нанять адвоката – специалиста по уголовным делам. Всю дорогу до дома Артур проклинал себя за то, что поддался на уговоры Сэма и все-таки взялся его защищать.

Дома он налил себе виски и долго просидел неподвижно в гостиной своего пустого уютного дома. Он хотел поехать навестить девочек, но не собрался с духом. Марджори оставила записку, что к ужину не вернется. Артур сидел, не зажигая света, и думал, что, пожалуй, это и лучше. Сэма она и так всегда недолюбливала, а ему самому теперь больше всего нужно было бы ласковое прикосновение руки Соланж и ее бескорыстное дружеское участие. Все они в этом нуждались, но Сэм отнял у них Соланж.

Потом Артур погрузился в раздумья над правильностью вердикта присяжных. Воспоминания о процессе вызывали у него только бессильное отчаяние.

Внезапно зазвонил телефон. Сержант тюремной охраны сказал, что желает кое-что сообщить господину Паттерсону о его клиенте. Артур подумал, что, может, Сэм захотел в конце концов с ним повидаться, и взглянул на часы. Было четверть девятого. Несмотря на усталость и выпитое виски, ради Сэма он готов был сейчас же поехать в тюрьму.

– Ваш клиент, мистер Паттерсон, час назад в своей камере покончил жизнь самоубийством. Мы только что обнаружили его тело.

Артуру показалось, что сердце у него остановилось. К горлу подступил комок, виски сдавило тисками, потемнело в глазах.

– Что? – шепотом переспросил он.

Сержант повторил страшное сообщение. Артур опустился в кресло, не в силах унять дрожь.

– Господи, почему же вы за ним не следили?

Сэм не первый месяц находился в состоянии депрессии, охране следовало это учесть. Один из психиатров даже предостерегал их. Но никто не думал о возможных последствиях.

Теперь не стало их обоих. Для Артура это было невыносимо... его единственный друг... и единственная женщина, которую он когда-либо по-настоящему любил... Теперь надо было подумать о девочках. Как с ними быть? Артур решил серьезно обсудить это с Марджори, когда она вернется. После смерти Соланж и Сэма у их дочерей не было никого. Они остались круглыми сиротами.

Глава 6

– Ты с ума сошел, Артур?

Марджори в изумлении уставилась на мужа, словно он при всех вдруг снял с себя одежду.

Когда она пришла домой, Артур ждал ее. Но известие о самоубийстве Сэма не вызвало у нее почти никакой реакции. Поразило же ее предложение Артура взять к себе Хилари, Александру и Меган. Другого выхода из ситуации он не видел. У девочек не было ни денег, ни близких. Артур считал, что, имея просторную квартиру и прислугу, они с Марджори вполне потянули бы это – если бы она согласилась.

– Ты спятил? Что мы будем делать с тремя маленькими детьми? Мы своих-то никогда иметь не хотели, с какой стати нам ломать нашу жизнь ради чужих?

Артур пытался собраться с мыслями и жалел, что не подождал со своим предложением до утра. Он в этот вечер многовато выпил и опасался, что поэтому его аргументы могут прозвучать неубедительно.

– Сэм Уокер был моим лучшим другом. Он на войне спас мне жизнь... Эти дети нам не чужие, даже если ты склонна так считать.

– Но ты представляешь себе, какая это ответственность – иметь одного ребенка, не говоря о троих?

– Хилари им как мать. Она тебе во всем поможет. Правда, Марджори...

Артур чувствовал себя так, словно вернулся в свое шестнадцатилетие, когда умолял мать купить ему машину, но столь же безрезультатно.

– ...И я всегда хотел иметь детей. Это ты решила, что детей и карьеру совместить нельзя...

Он посмотрел на жену с упреком, но та, похоже, не обратила на это внимания. Она не чувствовала за собой вины, ею руководило лишь справедливое негодование.

– Я не возьму чужих детей. У нас нет места, нет времени. Мы оба очень заняты. К тому же для того, чтобы вырастить трех девочек, нужно целое состояние. Нет! Забудь об этом, Артур. Отдай их в приют.

Всю эту тираду Марджори произнесла, пока готовилась ко сну. Самым удручающим для Артура было осознание, что она действительно так считает.

На следующее утро, за завтраком, он повторил попытку, но ничего не добился. Ее позиция была твердой, а у него не было ни сил, ни изобретательности, чтобы повлиять на нее.

– Я не хочу иметь своих детей, так зачем мне чужие? Тем более эти! Господи, Артур, я всегда знала, что ты наивен, но никогда не думала, что ты к тому же и глуп. Этот человек убийца, не говоря обо всем остальном. Ты представляешь, какие черты они могут унаследовать? А их мать...

Артур нахмурился, но Марджори была слишком увлечена своей речью и не обращала на него внимания.

– ...Мне она всегда напоминала французскую шлюху. Одному Богу ведомо, чем она там занималась во время войны, до того как ей попался Сэм Уокер.

– Хватит, Марджори! Не болтай о том, чего не знаешь. Я присутствовал при их знакомстве.

– В борделе? – ехидно спросила она, и Артуру вдруг захотелось дать ей пощечину. Но это не имело бы смысла.

Марджори, как всегда, победила. Он не сможет взять к себе детей Сэма.

– Я не буду дискутировать с тобой о публичных домах, Марджори, но только могу с полной уверенностью заявить, что Соланж Уокер никогда ни в одном из них не была. Мне очень жаль, что ты не хочешь проявить сострадание. Ты меня сильно разочаровала.

Но Марджори не трогали такие фразы. Она больше ни слова не сказала Артуру и уехала на работу. Она считала, что это его проблема.

Артур действительно видел для себя в этом большую проблему. Сэм и Соланж были его самыми близкими друзьями. Он был крестным Хилари. Эти дети не были для него чужими, как пыталась это представить Марджори. Артур очень любил их. Родители их тоже очень любили, и для Артура было важно, чтобы девочки не забыли, что такое родительская любовь, чтобы не чувствовали себя брошенными на произвол судьбы. Идея отдать их на удочерение казалась ему варварской, но он просто не знал, что можно сделать в сложившейся ситуации.

Все еще более осложнилось на следующей неделе, когда и горничная, и няня объявили о своем уходе. Обоих, похоже, оскорбил скандал, в который они невольно оказались втянуты. К детям они проявляли удивительно мало сочувствия. Артуру надо было найти новую прислугу, что представлялось весьма сложным делом. Он тщательно перебрал все бумаги, связанные с процессом, и отыскал листок, где со слов Сэма записал имя и фамилию его сестры.

Эйлен Джоунс... Артур не был уверен, живет ли она по-прежнему в Бостоне. «Если живет, – подумал он, – может, удастся уговорить ее на какое-то время взять на себя заботу о детях Сэма. Тогда можно будет сдать кому-нибудь квартиру на Саттон-плейс и таким образом сэкономить деньги». Сумма, доставшаяся девочкам от родителей, была почти на исходе. Пребывание сестер у тети дало бы Артуру время как-нибудь определить их дальнейшую судьбу или все-таки уговорить Марджори взять их к себе.

Так или иначе, ему требовались время и некоторая передышка. Больше всего Артуру хотелось убедить Марджори, что ничего безумного в его желании нет. Конечно, пришлось бы внести кое-какие коррективы в привычный образ жизни, но ради этих трех несчастных девочек стоило пойти на некоторые жертвы. Однако если Марджори будет стоять на своем, что тогда? Кто может согласиться их взять? Эти вопросы не давали Артуру покоя.

Первым делом надо было найти тетку девочек и выяснить, захочет ли она взять их хотя бы на лето. Не может быть, что она такая плохая, как ее характеризовал Сэм. Она, в конце концов, его сестра, а кровное родство – великая сила.

Артур поручил своей секретарше позвонить в справочную Бостона. Оказалось, что Джек и Эйлен Джоунс живут в Чарлстауне, пригороде, расположенном на самом берегу моря и известном своей судоверфью. Для летнего отдыха место казалось идеальным, и Артур сразу же позвонил Эйлен.

Звонок был для нее неожиданным; она сказала, что читала в газетах о процессе и самоубийстве брата, но, похоже, не особенно горевала по поводу его смерти, потому что первым делом спросила, оставил ли Сэм какие-нибудь деньги.

– Боюсь, что очень немного. Это тоже одна из причин, почему я вам звоню.

Артур решил перейти прямо к сути дела и узнать, можно ли рассчитывать на ее помощь. Больше обращаться было не к кому.

– Как вам, наверное, известно, у Сэма и Соланж три дочери: Хилари, Александра и Меган. Теперь девочки осиротели и нуждаются в заботе. Я хотел поговорить с вами о возможности... хотел узнать, не пожелаете ли вы их приютить, на время или постоянно, как вы сами решите.

На другом конце провода воцарилось долгое молчание. Потом раздался ее резкий голос, ничем не напоминавший хорошо поставленный голос брата:

– Хорошенькое дело! Вы что, мистер, шутите? Трех детей! У меня своих-то нет. С какой стати мне возиться с девчонками Сэма?

– Это же ваши племянницы. Больше у них нет никого из родных. Если вы возьмете их хотя бы до конца лета, у меня будет время подыскать им какую-нибудь другую подходящую крышу над головой. А сейчас их некуда девать.

Артур попытался пробудить в ней сострадание, но мысли Эйлен Джоунс занимало другое.

– А вы мне заплатите, если я их возьму?

Артур на мгновение задумался:

– Конечно, я могу давать вам деньги на их содержание, пока они будут у вас.

– Я вообще-то другое имела в виду, но и от этого не откажусь.

– Понятно.

Теперь Артуру стало ясно, почему Сэм не любил сестру, но обращаться было больше не к кому.

– Триста долларов вас устроят, миссис Джоунс? По сто на каждого ребенка?

– И сколько они у меня будут жить?

В голосе Эйлен звучало недоверие и жадность.

– Пока я не найду для них новый дом... Пару недель, месяц, может, до конца лета.

– Только не дольше. У меня тут, знаете ли, не сиротский приют. Муж будет недоволен.

Но она знала, что ее супруга очень обрадуют эти триста долларов, и рассчитывала выманить у Артура еще кое-какие деньги.

– А у вас есть где их разместить, миссис Джоунс?

– У меня есть свободная комната. Две девочки могут спать в одной кровати, а для третьей что-нибудь придумаем.

– Да. Меган нужна детская кроватка. Ей чуть больше года.

Артур хотел спросить сестру Сэма, сумеет ли она обращаться с маленьким ребенком, задать еще ряд вопросов, но не решился. У него все равно не было выбора. Оставалось только верить, что она сделает все, что в ее силах, во имя Сэма. Да и девочки были такие прелестные. Он не сомневался, что Эйлен полюбит племянниц, как только их увидит.

Однако, приехав с девочками в Чарлстаун, Артур понял, что на любовь с первого взгляда вряд ли можно рассчитывать. Накануне он объяснил Хилари, что она и сестры поедут на лето к тете Эйлен. Горничной велел упаковать детские вещи и сообщил, что они с няней с утра следующего дня, после отъезда девочек, могут быть свободны.

Хилари и Александре он предложил взять с собой только любимые игрушки. О том, что вся обстановка квартиры будет продаваться, Артур никому не сказал. Даже небольшая сумма, вырученная от продажи мебели, послужила бы подспорьем, и, кроме того, отпали бы расходы по аренде огромной квартиры на Саттон-плейс. Долги Сэма продолжали оставаться астрономическими, а поступлений на его счет не было никаких. Артур был рад, что избавится хотя бы от квартиры и двух служанок.

Хилари подозрительно посмотрела на него, когда узнала о предстоящей поездке в Бостон. С момента смерти матери она стала относиться к Артуру гораздо холоднее, но трудно сказать, что стало тому причиной: боль утраты или что-то другое.

– Почему ты нас туда отправляешь?

– Потому что там вам будет лучше, чем здесь. Ваша тетя живет у моря, там по крайней мере прохладнее. Нельзя же вам все лето сидеть в Нью-Йорке.

– Но мы потом вернемся сюда?

– Конечно.

Чувство вины и страха охватило его. Что, если она догадается, что он лжет?

– Тогда почему ты велел Милли упаковать все наши вещи?

– Потому что посчитал, что они вам понадобятся. Ну, Хилари, будь умницей. Познакомьтесь с папиной сестрой – это тоже неплохо.

Хилари стояла посреди комнаты. На ней были желтое кисейное платье с отделкой из белого пике, безукоризненно чистые белые носочки и лакированные туфельки. Блестящие,

черные, как у Сэма, волосы были тщательно расчесаны и заплетены в две косы. Своими большими зелеными, мудрыми, как у Соланж, глазами она изучала Артура, словно знала, что он что-то от нее скрывает.

Артур в определенном смысле побаивался ее – Хилари была проницательной и расчетливой не по годам, готовой самозабвенно защищать сестер. Известие о самоубийстве отца она приняла стоически, почти не плакала и успокаивала Александру, объясняя, что папочка ушел на небо, чтобы быть с мамулей. Александре трудно было все это понять. В конце концов, ей было всего пять лет, но Хилари изо всех сил старалась, чтобы младшие сестры как можно меньше страдали от отсутствия родителей. Казалось, что Соланж, уходя, поручила ей заботу о сестрах.

– А почему мы до сих пор не знаем тетю Эйлен? Папа что, не любил ее?

Она была столь же восприимчива, как ее мать, и моментально реагировала на любое отсутствие логики. Лучистый взгляд ее глаз напоминал Артуру Соланж.

– Да, Хилари, они не были особенно близки, но это не значит, что тетя Эйлен плохая.

Хилари кивнула, не желая с ним спорить, но отгадать ее мысли было, когда Артур привез их в Чарлстаун, нетрудно.

Тетка жила в мрачном, темном переулке. Маленький щитовой дом без ставен, которые оторвали резкие ветра. Краска всюду облупилась от стен, двор зарос сорняками, две ступени крыльца были сломаны. Вид у этого жилища был совсем непривлекательный.

Хилари поднялась на крыльцо, держа за руку Александру; Артур нес малышку. Няня тоже с ними приехала, но должна была вернуться вместе с Артуром в Нью-Йорк.

Артур позвонил в дверь. Реакции не последовало. Тогда он понял, что и звонок сломан, и постучал в окно, чувствуя на себе холодный взгляд Хилари и ее немой вопрос: зачем они сюда приехали? Но посмотреть на нее он не решился – не смог бы вынести этого укора с примесью тихой злости, которым были наполнены ее глаза.

– Да?

Дверь наконец открылась. На пороге стояла женщина с неопрятными обесцвеченными волосами, в заношенном грязном халате.

– Чего надо?

Она с явным недовольством уставилась на визитеров. Из угла рта у нее торчала сигарета, один глаз был прищурен от табачного дыма. Эйлен наконец сообразила, кто к ней пожаловал, смущенно улыбнулась и на мгновение стала чем-то похожа на Сэма. Вообще же сходство между ними обнаружить было очень трудно.

– Миссис Джоунс?

Сердце у Артура упало. Когда они вошли в гостиную, оптимизма у него не прибавилось. Там стоял сломанный диван, три потрепанных кресла, журнальный столик, выдавший лучшие дни, в углу моргал экран телевизора. Внутри дом выглядел даже хуже, чем снаружи. Эйлен Джоунс явно не утруждала себя наведением в нем порядка.

Была суббота, по радио транслировали бейсбольный матч, по телевизору выступала Габби Хайес. Шум стоял невообразимый, детей он, похоже, даже напугал. Гости стояли посреди гостиной, испытывая неловкость.

– Пива хотите?

Эйлен посмотрела на Артура, не обращая на детей ни малейшего внимания. Трудно было поверить, что это сестра Сэма Уокера, безукоризненно ухоженного, привлекательного, энергичного мужчины. Она являла собой воплощение всего дешевого, банального и безобразного. Выглядела она гораздо старше своих тридцати девяти лет – злоупотребление спиртным наложило на нее свой пагубный отпечаток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.